

Р

РЕГИОН  
В ИСТОРИИ  
ИМПЕРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ  
ЭССЕ  
О СИБИРИ

Новые границы

Коллектив авторов

**Регион в истории империи.  
Исторические эссе о Сибири**

«Новое издательство»

2013

**авторов К.**

Регион в истории империи. Исторические эссе о Сибири /  
К. авторов — «Новое издательство», 2013 — (Новые границы)

Что такое регион, и как эта концепция работает в исторических исследованиях Российской империи и СССР? Что такое Сибирь, и где ее границы? Как соотносятся образы Сибири как поселенческой колонии и неотделимой части национального мифа? Каким образом представители сибирских народов конструируют историческую память о Российской империи и СССР? Эти и другие вопросы исследуются авторами сборника «Регион в истории империи».

# Содержание

|                                     |    |
|-------------------------------------|----|
| Предисловие                         | 6  |
| Завоевание, колонизация, территория | 10 |
| Андрей Зуев                         | 10 |
| Анатолий Ремнев                     | 28 |
| Елена Безвиковная                   | 43 |
| Конец ознакомительного фрагмента.   | 45 |

# **Коллектив авторов**

## **Регион в истории империи.**

### **Исторические эссе о Сибири**

© Ab Imperio, 2013

© Новое издательство, 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

## Предисловие

Вот уже второе десятилетие международный научный журнал *Ab Imperio* является локомотивом в исследованиях прошлого и настоящего сложных обществ. Материалом для этих исследований служит прошлое Российской империи и СССР. За прошедшие годы в *Ab Imperio* были опубликованы сотни статей по самым разным аспектам истории, антропологии, литературоведения и других гуманитарных дисциплин. Чтобы дать возможность широкой публике ознакомиться с некоторыми из этих работ, редакция журнала в сотрудничестве с «Новым издательством» продолжает выпуск тематических сборников. Так, первый сборник включал в себя ставшие уже классикой работы по теории национализма и империи. Вторая антология была посвящена сегодняшнему конструированию исторической памяти об империи и нации. В третьей фокус смещался на сам процесс осмысления сложносоставного общества его современниками. При этом на первое место выходил разрыв между аналитическими языками, доступными наблюдателю (концепциями, тропами, поэтикой, культурно обусловленным социальным воображением и метафорами), и социально-политическими реалиями, весьма избирательно и своеобразно описывавшимися этими языками. Этот когнитивный разрыв и определяет во многом историческую динамику культурно и социально гетерогенного общества (включая «империи»). Наконец, в четвертом сборнике были представлены материалы, обсуждающие роль конфессии как способа категоризации населения, как доступного языка самоописания групп и как механизма управления различиями в истории империи.

Регион является не менее важной категорией восприятия и описания империи. Любопытно, что именно работа Пьера Бурдьё «Идентичность и репрезентация: Критика идеи региона», в которой французский социолог подверг деконструкции локальные идентичности во Франции, стала одним из важнейших текстов в теории национализма. При помощи категории «региона» историки преодолевают детерминизм кажущихся естественными и самоочевидными национальных нарративов и политических границ, не позволяя таким образом проецировать в прошлое сегодняшние политические реалии. В прошлом России и СССР такие регионы, как западные окраины, Средняя Азия, Сибирь или Поволжье имели свою историю и свою специфику, и уже в силу этого они обладают критическим потенциалом по отношению к национальным проектам. Только важно помнить, что и регионы не являются «естественными» пространственно-социальными единицами, но складывались исторически, создавались в результате административных реформ, оформлялись в силу географических причин.

В предлагаемом читателю сборнике мы отобрали материалы, посвященные одному из архетипических регионов Российской империи и СССР – Сибири, чья отдельность и внутренняя целостность кажется самоочевидной. Сибирь была вторым после Поволжья регионом, ставшим объектом экспансии Московского государства. В стране, не обладавшей собственными источниками золота или серебра, стремительно покоренная Сибирь стала главным поставщиком единственной доступной валюты – ценных мехов. Продвигаясь по рекам, подобно французам в Квебеке, казаки, служилые люди и промышленники (многие из них – переселенные пленные, так называемая литва) охотились на ценных зверьков, торговали, а главное – «побивали» и облагали ясаком местных жителей, приводя их «под государеву высокую руку». Это покорение шло по лесной и тундровой зоне севера Евразии, и к началу XVII века остановилось на границах степной зоны. Только в XVIII веке, с появлением регулярной армии европейского образца Российская империя смогла начать подчинение кочевых народов степной зоны. И именно тогда, в XVIII веке, изначальный стимул к продвижению на восток – извлечение природных ресурсов – стал терять силу.

Варварское истребление животных привело к огромным недостаткам в сборе ясака. Казалось бы, важность Сибири должна была резко уменьшиться в связи с падением доходов от

ее эксплуатации. Но этого не произошло в силу ряда причин. Пожалуй, самым важным был фактор пространства. К концу XVIII века добыча ценных мехов ушла дальше на восток. К началу XIX века Российская империя управляла своими Североамериканскими колониями на Аляске при помощи Российско-американской компании (РАК), частного предприятия. При этом Сибирь служила передаточным звеном, своего рода огромным транспортным регионом для РАК, содержавшей свои конторы и станции в сибирских городах. В конце XVIII века Нерчинские заводы начали давать медь и серебро. В плоскости геополитики, Сибирь превратила Московское царство, по мировым масштабам довольно захолустное государство на краю Европы, в империю с интересами, простирающимися в Среднюю Азию и Китай. И в советское время Сибирь оказалась важнейшим геополитическим фактором – ведь именно в глубь континента были эвакуированы учреждения и промышленность во время Великой Отечественной войны. Пространственный тыл СССР сыграл огромную роль в противостоянии гитлеровской Германии. Более того, начиная с 60-х годов XX века СССР в основном экспортировал то, что добывалось из недр страны, и добывалось именно в Сибири. Нефтяные и газовые месторождения Сибири отсрочили крах коммунистической системы и продолжают во многом определять внутреннюю и внешнюю политику постсоветской России.

Несмотря на общепризнанную важность Сибири для России, ее политический и культурный статус в государстве никогда не был однозначным, а география четко зафиксированной. Географически Сибирь начинается за Уралом, и это, пожалуй, единственная константа в исторической географии региона. Его южные и восточные границы исторически неопределенны. Так, в XIX веке «Сибирь» могла включать в себя Степной край, но уже в первой половине XX века формируются представления об отечественном Дальнем Востоке. Приморский край, Чукотка, Амурская область часто не включались в Сибирский регион, да и сегодня жители Дальнего Востока не считают себя сибиряками. Географическая размытость Сибири становится еще более очевидной – и любопытной – если мы обратим внимание на череду образов Сибири, представляющих ее, с одной стороны, неотъемлемой частью России, а с другой – поселенческой колонией. Популярны тексты и фильмы, особенно в советское время, создавали образ Сибири как важного элемента самоидентификации советского русского национализма (например, в известном романе В. Шишкова «Угрюм-река», в литературе «деревенской прозы» или в советских телевизионных блокбастерах вроде «Вечного зова»). Это объединение мифологемы покорения региона и одновременного представления его «исконной» основой русского национального мифа было почти тотальным. Характерно, что в русской культуре практически не имелось образов «благородного дикаря» (непременного спутника колонизаторского мифа) – сибирского инородца. Только в начале XX века В.К. Арсеньев написал полудокументальную повесть «Дерсу Узала», которой Акира Куросава обеспечил всемирную известность. В советское время собирательный образ «коренного жителя Сибири» был представлен в массовой культуре только шлягерами Кола Вельды – нивха, исполнявшего свои песни исключительно в европейской традиции. И сегодня россияне знают удивительно мало о народах Сибири – в отличие от населения США, Австралии или Новой Зеландии, где знания о коренных народах этих стран стали частью национального самосознания и массового образования.

В то же время в 1990-е годы на волне центробежных тенденций в Российской Федерации проснулся интерес к сибирскому областничеству – любопытной попытке части сибирской интеллигенции помыслить Сибирь как типичную переселенческую колонию. Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, С.С. Шашков и другие убежденные областники считали, что, поскольку Сибирь завоевана силой оружия и заселена колонистами, то будущее ее должно быть подобно будущему других переселенческих колоний, таких как Австралия, Новая Зеландия, и, в особенности, Соединенные Штаты Америки. Исходя из опыта Австралии, областники резко критиковали политику ссылки в Сибирь уголовных преступников, считая, что ссылка ложится тяжелым бременем на местное население как экономически, так и в смысле «развращения

нравов». Основываясь на работах Эдварда Гиббона Уэйкфилда, сыгравшего ключевую роль в колонизации Южной Австралии и Новой Зеландии и в основании будущего Канадского доминиона, областники верили, что правильная колонизационная политика в Российской Сибири может не только превратить ее в цветущую страну, но и поможет избежать люмпенизации крестьянства в самой России. Хотя областническое движение и являлось самым ярким примером политики сравнения, игравшей большую роль в модерный период российской истории, подобные примеры можно найти и в риторике администраторов, и в научных работах.

Эра деколонизации западных заморских империй, начавшаяся после Второй мировой войны, сопровождалась интенсивной критикой научного знания, произведенного в империи и служившего ей. Так называемые постколониальные исследования, широко заимствуя из арсенала литературоведения, деконструировали нарративы цивилизационного превосходства европейцев над покоренными народами колоний. Зачастую, постколониальные исследования исходили из того, что центры политической власти и культурные и научные центры заморских колоний совпадали – их было легко локализовать в столицах метрополий и в правящих классах империи. Однако Сибирь не соответствует этой схеме. Разумеется, она была объектом интенсивного научного изучения, более того, именно в результате исследований Сибири в XVIII веке возникает немецкий вариант этнографии как науки о человеческом разнообразии. Но вопрос о совпадении источников власти и знания в этом случае остается открытым. Не только немецкие исследователи не склонны были полностью идентифицироваться с центром империи, полагая самих русских не вполне цивилизованным народом (хотя и движущимся в верном направлении). Уже приведенный пример сибирских областников, в основном детей офицеров, чиновников и купцов, свидетельствует о дистанции между обладанием политической властью и производством знания в истории Сибири. Вспомним также и о том, что в раннесоветской этнографии доминировала знаменитая «этнотройка»: В. Тан-Богораз, В. Йохельсон и Л. Штернберг, получившая свое этнографическое образование в сибирской ссылке. Именно в Сибиряковской экспедиции, организованной в 1892 году по инициативе областника Г.Н. Потанина, эти ведущие этнографы – а тогда государственные преступники – начали свою научную карьеру.

Разумеется, советский период принес новые измерения в сибирский исторический опыт. В Сибири появились автономные республики и округа, в которых, по крайней мере теоретически, власть принадлежала представителям титульных национальностей. Советская индустриализация привела к появлению промышленных регионов, подобных Магнитогорску, а коллективизация уничтожила вполне успешное сельское хозяйство Западной Сибири. И хотя Сибирь вовсе не была исключительным местом для создания концентрационных лагерей сталинского режима, в народном воображении именно с Сибирью ассоциируются сталинские репрессии.

Что же может дать изучение сибирской истории для понимания истории империи? Где место Сибири в новой имперской истории? Статьи, помещенные в настоящем сборнике, намекают возможные ответы на эти вопросы. Так, Андрей Зуев в своей статье убедительно показывает несостоятельность советской мифологемы о «добровольном вхождении» сибирских народов в состав России. Покойный Анатолий Ремнев, ведущий историк Сибири имперского периода, рассматривает дискуссии о колонизации Сибири в контексте развития национального мифа. Елена Безвиконная в своей статье демонстрирует не только пористость, но и физическое отсутствие границ в Сибири XIX века. В статье, посвященной дискуссиям об открытии сибирского университета, Анатолий Ремнев обсуждает те политические силы, которые формировали дискурсы об этой имперской окраине, а Сергей Скобелев анализирует демографию сибирских народов как политический инструмент современных агентов власти. Статья Юлии Ульянниковой не только обращается к малоизвестному эпизоду в истории российского Дальнего Востока – эвакуации населения Сахалина после Русско-японской войны, но и демонстрирует сложность имперского контекста, в котором сосуществуют и соперничают параллельные принципы классификации разных групп населения. Перекликаясь с работой Зуева, Павел Вар-

навский исследует процесс создания образа общего советского прошлого (механизмы воспоминания и забывания) на материалах Бурятии. В статье Татьяны Скрынниковой рассматривается проблема восприятия России в самоидентификации бурят и подчеркивается приоритетность династической лояльности императору в XIX веке над конфессиональными и этническими факторами. В своем исследовании практик солдатских матерей в Барнауле Сергей Ушакин демонстрирует, как в постсоветской России производятся новые идентичности и создается новое публичное пространство посредством материализации памяти, то есть перевода личной человеческой утраты в ритуалы воспоминания.

Таким образом, история Сибири в гетерогенном обществе (империи, СССР или РФ) – это история завоевания и насилия, конструирования общей исторической памяти и политики сравнения, зазоров между центрами власти и центрами производства знания. Это сложная история, в которой люди не идентифицируются лишь с одной группой, но выбирают и конструируют свою групповую принадлежность в сложном контексте сложного общества.

*Сергей Глебов*

## **Завоевание, колонизация, территория**

**Андрей Зуев**

### **«Конквистадоры империи»: русские землепроходцы на северо-востоке Сибири**

В последнее десятилетие XX века в отечественной историографии явно обозначился пересмотр господствовавшей прежде концепции преимущественно мирного и чуть ли не добровольного присоединения нерусских народов и территорий к России, в оценках расширения Московского царства и Российской империи зазвучали ранее табуизированные советской идеологией (частью которой был миф об извечной дружбе народов СССР) термины «завоевание», «колониальная политика», «экспансия». Переоценка затронула и «сибирское взятие». В сибиреведческой литературе 1990-х годов уже признается сложность и противоречивый характер присоединения Сибири в целом и ее отдельных регионов. Отмечается, что нельзя преуменьшать масштабы конфликтов, которые имели место на этапе «вхождения» Сибири в состав России, а также степень сопротивления русским отдельных групп местного населения. Указывается, что взаимоотношения русских и аборигенов были крайне напряженными, имелось много моментов, приводящих к конфронтации и вооруженным столкновениям<sup>1</sup>.

На пути переосмысления характера присоединения Сибири к России предстоит проделать еще большую работу, включающую, с одной стороны, терминологические и методологические аспекты, а с другой – «банальную» фактографию, т. е. восстановление реальной картины русского продвижения «встречь солнцу» и, соответственно, выявление всех фактов русско-аборигенных вооруженных столкновений и всех методов подчинения сибирских народов русской власти. К числу перспективных задач относится и анализ роли человеческого фактора в ходе присоединения, поскольку вполне очевидно, что характер взаимоотношений, а значит, и самого присоединения во многом определялся в результате взаимодействия носителей разных «цивилизаций» – русской и аборигенной. Первыми представителями русского народа и русской власти, с которыми вступали в контакты коренные сибиряки, были, как известно, «государевы служилые люди» (в основном казаки) и охотники-промысловики («промышленные люди»). Соответственно, без представления о том, что являли собой эти пионеры русского натиска на восток, невозможно понять, почему их отношения с аборигенами выстраивались так, а не иначе.

К сожалению, данная проблема, впервые обозначенная еще в трудах Г.Ф. Миллера, С.П. Крашенинникова и Г.В. Стеллера, впоследствии не получила должного внимания в литературе. Отечественные историки XIX – первой половины XX века, охотно сравнивая русских казаков с испанскими конквистадорами и считая главной причиной русско-аборигенных конфликтов «засорное» поведение казаков и ясачных сборщиков, которые без удержу грабили «инородцев», просто констатировали это как факт, не пытаясь выяснить мотивацию и факторы подобного поведения. Аналогичная картина, кстати, наблюдается и в зарубежном сибиреведении, которое русское продвижение по Сибири всегда считало завоеванием и экспансией<sup>2</sup>.

С 1950-х годов, когда в советской историографии восторжествовала концепция преимущественно мирного присоединения Сибири к России, одобренная к тому же тезисом о безусловной прогрессивности этого процесса для сибирских народов, писать о русских землепроходцах-носителях «прогресса» и «передовой русской культуры» как о завоевателях и колонизаторах стало не принято. Соответственно, ретушировались все негативные стороны их

поведения, а когда речь все же заходила о нелюбимых явлениях эпохи присоединения (сопротивлении аборигенов, их ограблении и эксплуатации), они объявлялись порождением феодально-крепостнического строя тогдашней России, а вина за многочисленные «лихоимства» возлагалась на агентов самодержавия на местах – воевод, ясачных сборщиков и отдельных служилых людей<sup>3</sup>. Самых же землепроходцев представляли почти исключительно героями великих географических открытий, такими «рыцарями без страха и упрека»<sup>4</sup>.

В постсоветское время исследователи стали уже указывать на то, что русско-аборигенные столкновения были результатом соприкосновения разных, первоначально антагонистических культур и психологической неготовности аборигенов к встрече «неведомых пришельцев». Однако далее подобных общих заявлений дело пока не продвинулось. С сожалением приходится констатировать, что до сих пор в сибиреведческой литературе, как ни странно, нет ни одной работы, специально посвященной анализу причин русско-аборигенных конфликтов и, более того, отсутствуют методические и методологические приемы исследования этой проблемы.

В данной статье, опираясь на уже введенные в научный оборот источники, многие из которых опубликованы, я попытаюсь нарисовать обобщенный портрет русских землепроходцев с точки зрения их взаимоотношений с аборигенами. Территориально мое исследование ограничивается крайним северо-востоком Сибири, а точнее, теми районами, где проживали коряки, чукчи и ительмены. Эта география обусловлена тем, что, с одной стороны, указанные народы оказали русским наиболее длительное и ожесточенное сопротивление, а с другой – именно здесь наиболее ярко проявилась инициатива и самостоятельность самих землепроходцев (по сравнению с другими сибирскими регионами), которые зачастую на свой страх и риск отправлялись в неведомые земли, расширяя пределы Российского царства. Соответственно, хронологические рамки охватывают период первых контактов, т. е. вторую половину XVII – первую четверть XVIII века.

Скупые сообщения дошедших до нас «сказок», отписок и челобитных землепроходцев и представителей государственной администрации (ясачных сборщиков и приказчиков) показывают, что, несмотря на отдельные факты мирного взаимодействия, господствующим вариантом развития событий было военное противостояние русских и аборигенов. По моим подсчетам, на протяжении означенного периода произошло по меньшей мере 23 вооруженных столкновения с чукчами, 41 – с коряками, 39 – с ительменами<sup>5</sup>. Несомненно, известная доля вины за эту «войну» падает на самих «иноземцев», которые в силу разных причин и обстоятельств, зачастую уже при первом знакомстве, встречали русских «в штыки». Но это тема отдельного исследования<sup>6</sup>. Меня же интересуют сами землепроходцы, точнее говоря, то, почему они мирным переговорам зачастую предпочитали грубую силу.

Чтобы понять их образ действий, необходимо обратить внимание на те факторы, которые оказывали на него влияние. Конечно, рассмотреть весь спектр мотивов, определявших поступки казаков и промышленников в каждой конкретной ситуации (при каждом взаимодействии с аборигенами), невозможно. Но выделить наиболее существенные, непосредственно детерминировавшие поведение землепроходцев, вполне реально.

До конца XVII века стандартной была ситуация, когда отряды землепроходцев формировались, во-первых, в значительной степени добровольцами, во-вторых, на их собственные средства или средства организаторов походов, причем и те, и другие «залезали» в большие долги («должились у торговых людей дорогою ценою»). Достаточно привести известные примеры с организацией экспедиций С. Дежнева – Ф. Попова, М. Стадухина, Ю. Селиверстова, Л. Морозко, В. Атласова. Даже в первой четверти XVIII века, когда доля добровольцев («охочих людей») в составе отрядов резко снижается и, соответственно, увеличивается доля «государе-

вых служилых людей», последним все равно приходилось, в основном, вкладывать в материальное обеспечение походов значительные собственные и взятые в долг средства.

Нетрудно догадаться, что, отправляясь в поход на собственных «проторях», казаки и промышленники рассчитывали обогатиться на новых землях. В противном случае становится совершенно непонятно, во имя чего многие из них добровольно отправлялись в неведомые земли, почему даже служилые люди, несмотря на свое небольшое жалованье<sup>7</sup>, которое к тому же постоянно задерживалось, а то и вовсе не выдавалось, несмотря на «нужи и великие тяготы», раны и увечья, голод и болезни, «великие долги» (о которых неизменно сообщали в своих челобитных), продолжали не только тянуть служебную лямку, но вновь и вновь охотно уходили в дальние походы. Кого-то, конечно, могли манить слава первооткрывателя и служебная карьера, но большинство шло все же ради сугубо меркантильных интересов.

Наиболее легким способом быстрого обогащения являлось, естественно, получение от аборигенов того, что в глазах русских имело ценность, прежде всего пушнины. Взять это можно было путем товарообмена или грабежа. Но количество товаров было ограничено. Известный якутский историк Ф.Г. Сафронов, проанализировав данные якутской таможенной книги за 1650 год, пришел к выводу, что даже промышленные люди, отправляясь на промыслы, брали с собой весьма незначительные запасы «русских изделий», которые в основном уходили на собственные нужды, а торговать они могли только остатками. По его мнению, «нет оснований переоценивать, как это делают многие исследователи, значение торговой деятельности торговых и промышленных людей в глухой периферии, в районах промыслов. Торговля там всегда являлась привязкой к главному звену: промыслам соболя»<sup>8</sup>.

Землепроходцы тем более не могли превращать свой отряд в торговый караван. Им и так приходилось брать с собой достаточное количество вооружения, боеприпасов и продовольствия. Дополнительный же груз привел бы к потере маневренности, что было весьма нежелательно в условиях, когда двигаться приходилось по неизвестной и труднопроходимой территории. Поэтому неизбежно русские обращались к другому способу, чтобы «выбить» из аборигенов все, что представляло ценность, причем в таком количестве, которое позволило бы не только собрать ясак (продемонстрировав тем самым свою заботу о «государеве интересе»), но и пополнить собственный карман, чтобы рассчитаться с долгами и получить прибыль. И было уже неважно, грабили они с желанием или без него. У них просто не было иного выхода: с долгами надо было расплачиваться. Конечно, кроме этого, они могли заниматься и занимались пушным промыслом. Скорее всего, за счет него на первых порах русские получали пушнину, поскольку у самих аборигенов охота на пушных зверей не играла заметной роли в хозяйстве. Но здесь вступал в силу другой фактор.

У землепроходцев, которые, как правило, несколько лет находились в походе и были оторваны от своих баз, со временем возникала потребность в продуктах питания, одежде, средствах передвижения, во всем, что могло спасти их от холода, голода и физического истощения. А взять все это опять же легче всего было у аборигенов. Значит, возникал еще один мотив, толкавший казаков и промышленников к грабегам. В качестве иллюстраций приведем действия двух знаменитых землепроходцев – Семена Ивановича Дежнева и Владимира Владимировича Атласова.

Дежнев и горстка его казаков, едва спасшиеся при кораблекрушении южнее Чукотки, выйдя в 1649 году на реку Анадырь, в первое время, просто чтобы выжить, добывали средства жизнеобеспечения у обитавших там юкагиров. Сам Дежнев по этому поводу позднее рассказывал: *«нехотя голодную смертью помереть, ходил я... в поход к анаульским и к ходынским не к ясачным мужиком»*<sup>9</sup>. Бывший на Анадыре служилый человек Митька Васильев сообщил в 1652 году в своей челобитной, что в 1651-м «Семен Дежнев и Микитка Семенов Горбун с товарищи и промышленные люди все в поход ходили и в походе анаулов погромили. И в дуване

у них в разводе на человека было корму на сорок человек по полутора пуда жиру говяже, по семи пуд на человека было мяса сохово, да по тринадцати пуд оленя мяса туш на человека»<sup>10</sup>. Прибывший на смену Дежневу Ю. Селиверстов в отписке (не ранее 1654 года) писал: «на той же реке Анадыре на низ, ниже их зимовья, жили анаули иноземцы неясачные люди и во 159 году [1650/51] оне, Семен Дежнев с товарищи, тех иноземцев анаулей прибили и в иные годы тож разбивали для своих бездельных нажитков и ясырей»<sup>11</sup>.

Атласов и его «полчане» во время похода 1697–1699 годов на Камчатку «питались... оленями, которые *полонили* они у иноземцев, и рыбою, которую они *имали* у иноземцев, а иную рыбу сами ловили сетями». Эти реквизиции подчас проводились с применением силы, поскольку камчатские коряки и ительмены отказывались давать «ясак» неведомым пришельцам. Как поведал сам Атласов в своих «сказках» по поводу одной такой «реквизиции»: «Они, коряки, учинились непослушны и пошли от них на побег, и он, Володимер, с товарищи их постигли, и они, иноземцы, стали с ними биться, и божиею милостию и государевым счастьем их, коряк, многих побили, и *домы их и олени взяли, и тем питались...*»<sup>12</sup>

Надо думать, что Дежнев и Атласов не были оригинальны в своих действиях. До своих экспедиций они уже немало лет прослужили на северо-востоке Сибири, участвовали во многих походах на «иноземцев», имели большой опыт общения с ними, и, став руководителями, использовали традиционные и общепринятые методы жизнеобеспечения своих отрядов за их счет.

Ситуация усугубилась после того, как на присоединяемых территориях возникли русские остроги и зимовья. Промышленные и служилые люди пребывали там временно. Первые – пока не обеспечат себя достаточной добычей, вторые – на период «служебной командировки», обычно год-два. К началу XVIII века численность промышленников вследствие оскудения промыслов фактически упала до нуля и почти единственными представителями русского населения остались служилые люди. А они в подавляющем большинстве были «временщиками». Соответственно, и психология у них была «временщиков».

С момента объясачивания территории и установления на ней русской власти в силу вступал такой немаловажный фактор, как назначение якутскими воеводами служилых людей за взятки на должности, связанные с доходами в государственную казну, прежде всего приказчиками острогов и зимовий и ясачными сборщиками. Эти взятки именовались «окуп» и во второй половине XVII века превратились в Якутском уезде в хорошо отлаженную и фактически узаконенную местными властями систему.

Государев сыщик Федор Охлопков, посланный в 1665–1666 годах в Восточную Сибирь «всех воевод... неправды и плутости сыскать», выявил, что за назначение ясачными сборщиками якутские воеводы брали с приказчиков по 300 рублей, подьячих и толмачей – по 40 рублей, с рядовых казаков – по 6 рублей. Еще более безотрадную картину обнаружил другой государев сыщик Федор Качанов, приехавший в Якутск в конце XVII века. Оказалось, что взятки за посылки в ясачные волости поднялись до астрономических сумм: от 100 до 1200 рублей. Чем доходнее была «ясачная волость», тем выше был «окуп» (например, Ю. Крыжановский за назначение приказчиком в Охотск дал воеводе А. Барнешлеву 1000 рублей). По подсчетам сыщика, якутские воеводы во второй половине 1660-х годов одного «окупу» от ясачных сборщиков получали до 6–7 тысяч рублей ежегодно, «оприч того, что из волостей приезжают и приносят собольми и иною мягкою рухлядью». За 1694–1699 годы якутские воеводы в общей сложности получили только с приказчиков, по разным подсчетам, от 14 до 17 тысяч рублей<sup>13</sup>.

Якутский воевода Яков Агеевич Елчин в 1713–1715 годах получал взятки за назначение на службу в остроги и зимовья с приказчиков по 300 рублей, толмачей – по 200 рублей, подьячих – по 100 рублей и с прочих служилых – по 50 рублей. Следствие над ним установило, что в эти годы он взял со служилых людей «окупу» по меньшей мере 2356 рублей<sup>14</sup>. Другой упра-

витель Якутска (с 1716-го по 1720-й), ландрат И.В. Ракитин, за отпуск на сбор ясака получил со служилых людей, по подсчетам следственной комиссии, 10 815 рублей. По данным этой комиссии, якутский ландрат, дворяне, дети боярские и другие служилые (всего 117 человек) оказались виновными в грабежах и взятках у ясачных огромного количества пушнины (одних только соболей 10 тысяч штук), скота, денег (1344 рублей)<sup>15</sup>.

Говоря об общих суммах взяток, выявленных следственными комиссиями, надо, конечно, иметь в виду, что их реальный объем был больше, поскольку многие служилые или вообще не признавались в даче «окупа», или занижали его величину, так как они понимали, что им придется объяснять следователям, откуда взялись такие деньги. Ведь жалование служилых никак не могло покрыть расходы на взятки (особенно, если учесть, что им надо было обеспечивать собственное существование). В конце XVII – начале XVIII века рядовой казак получал в год 5–7 рублей, 5–7 четвертей ржи, 2–6 четвертей овса, 1,5–2,5 пуда соли, командный состав (десятники, пятидесятники, сотники, атаманы) – 5–10 рублей, 6–8 четвертей ржи, 2–6 четвертей овса, 1,5–2,5 пуда соли, дети боярские и дворяне – 6–20 рублей, 5–14 четвертей ржи, 5–12 четвертей овса, 2-ю пуда соли<sup>16</sup>. К тому же это жалование хронически не выплачивалось в полном объеме и из него вычитали большие суммы за оружие, выдаваемое из казны<sup>17</sup>.

Естественно, что «окуп» воеводам служилые покрывали за счет поборов с ясачных людей. «Быв у одного ясажного збору в ыноземческих волостях, возвращали оную свою дачу с ыноземцев», – констатировали государевы сыщики. Следствия над якутскими воеводами показали, что грабеж иноземцев со стороны служилых людей имел массовый характер и огромные масштабы<sup>18</sup>. Таким образом, получалось, что якутская администрация, широко практикуя систему «окупов», толкала служилых на ограбление иноземцев и при этом фактически узаконивала грабеж, покровительствуя тем, кто хотел и умел «делиться» добычей. «Сами воровали и ворах потакали» – говорили якутские служилые про своих воевод<sup>19</sup>.

На «вновь приисканных землях» отряды служилых и промышленников попадали в тяжелейшие условия. При отсутствии регулярного снабжения продовольствием (прежде всего хлебом), орудиями охоты и рыболовства, жизнь на Анадыре, Охотском побережье и Камчатке была исключительно дорогой и трудной. Заняться здесь земледелием, которое могло стать более-менее стабильным источником продовольствия, из-за природно-климатических условий было невозможно. Охота и рыболовство в больших масштабах требовали соответствующего снаряжения, которого или не было вовсе, или не хватало. В результате служилые и промышленные люди часто терпели нехватку самого необходимого, голодали, питались нередко «заморной рыбой» (выбросившейся на берег), древесной корой, кореньями, болели цингой и т. п. Примеров тому можно привести множество.

Но прокормиться худо-бедно все же можно было за счет охоты, рыбалки и «подножного корма» (грибов, ягод, съедобных растений). Однако вернуть затраченные на «окуп» и поход средства, причем с «прибытком», можно было только за счет чего-то ценного. Повезло тем, кому удалось найти на побережье залежи моржовой кости. На этом поправили свое благосостояние С. Дежнев и первые анадырские казаки. Но «заморный зуб» был далеко не везде, да и в Анадырском лимане его выбрали достаточно быстро. Поэтому оставался один источник доходов – пушнина. Ее можно было добывать самим, что на первых порах, как отмечалось выше, русские и делали. Но по мере того, как объясаченное население принуждалось к массовой добыче пушного зверя, легче было, не затрачивая собственных времени и средств, прикрываясь сбором ясака, изымать значительную часть пушнины в свою пользу.

На этом поприще у служилых и промышленных людей, шедших на северо-восток, за плечами был уже немалый опыт предшественников. Вся предыдущая история присоединения Сибири отмечена многочисленными фактами «воровства», когда русские, используя свое превосходство в силе, грабили и обирали аборигенов<sup>20</sup>. Причем, чем дальше от центра и пра-

вительственного контроля, тем больший размах приобретал грабеж. О «чинении сумнения, тесноты и смуты» первыми отрядами служилых людей «новым ясачным людям» в Якутии сообщали в Москву сибирские воеводы – тобольский, мангазейский, енисейский<sup>21</sup>. Уже в 1638 году правительство в своем наказе первым якутским воеводам с горечью констатировало, что служилые и промышленные люди, «пристав под которою землицею приманивали тех земли людей торговать, и имали у них жон и детей, и животы их и скот грабили, и насилства им чинили многие, и от государевы высокие руки тех диких людей отгонили, а сами обогатели многим богатством, а государю приносили от того многого своего богатства малое»<sup>22</sup>.

Москва пыталась бороться с этим явлением и неизменно напоминала сибирским воеводам о необходимости прекратить грабежи и лихоимства<sup>23</sup>, однако толку от неоднократных указов не было никакого. За столетие продвижения по Сибири служилые и промышленные люди отработали механизм и систему злоупотреблений.

На первых порах, когда шло объясачивание, это был захват военных трофеев и пленных (ясырь), которых превращали в холопов. Жаждающие легкой добычи казаки и промышленники подчас сознательно не стремились к мирному исходу встречи с аборигенами, который ограничил бы возможности их грабежа. Знакомство с многочисленными фактами вооруженных столкновений приводит к мысли, что русские далеко не всегда были заинтересованы в мирных отношениях даже с уже объясаченными иноземцами и нередко провоцировали их на «измену», которая давала повод все для того же грабежа. Бывало и так, что служилые сначала совершали разбойничий налет на ясачных, а затем обвиняли их в якобы готовящейся «измене» и нежелании платить ясак. На подобную тактику землепроходцев уже указывалось в литературе<sup>24</sup>.

Редко, но случались и обратные ситуации, когда землепроходцы, убедившись в том, что с иноземцев взять нечего, прекращали попытки их объясачивания. На это исследователи как-то не обращали внимания, хотя подобные факты достаточно показательны.

Так, Атласов напал в 1698 году на «курильских мужиков 6 острогов», взял штурмом один из них, «а иным острожкам не приступали, потому что у них *никакова живота нет и в ясак взять нечего*»<sup>25</sup>. Другой пример. В 1711 году группа камчатских казаков под руководством Д. Анциферова и И. Козыревского отправилась из Большерецкого острога на Курильские острова. По сообщению Козыревского, казаки на первом острове Шумшу имели «крепкий» бой с «курильскими мужиками», которые якобы отказались платить ясак. Убив десять туземцев и не понеся никаких потерь, казаки с огорчением обнаружили, что «на том острове соболей и лисиц не живет и бобрового промыслу и привалу не бывает...», т. е. они остались без добычи. На втором острове, где туземцы также отказались идти под «высокую государеву руку», казаки даже не стали вступать с ними в сражение, если верить Козыревскому, «за малолюдством» и ушли восвояси. Правда, позднее, в 1712 году, бывший в этой экспедиции казак Григорий Переломов сообщил, что Анциферов и Козыревский о втором острове показали ложно, поскольку там они не были<sup>26</sup>. В данном случае для нас не важно, были ли казаки на втором острове или нет. Примечательно то, что они отказались от дальнейшего подчинения курильцев и сделали это, поняв, что затраченные усилия ничем не оправдываются, поскольку у курильцев не было ничего, представлявшего интерес для казаков. Апелляция Козыревского к «малолюдству» вряд ли достойна внимания, так как на первом острове этот фактор не остановил казаков.

По мере объясачивания и «умиротворения» иноземцев в ход шли и другие приемы. Служилые люди, пользуясь отсутствием правильного надзора за их действиями, выстраивали свои официальные и частные отношения с аборигенами на основе собственной выгоды и наживы. Не расписывая подробно многочисленные злоупотребления и ухищрения, к которым они прибегали, вычленим наиболее типичные и самые распространенные «лихоимства»<sup>27</sup>.

В первую очередь, широкое поле для разного рода злоупотреблений открывал сбор ясака в государственную казну (он давал и законное прикрытие). Именно поэтому в лихоимстве

прежде всего упражнялись представители местного административного аппарата – приказчики и ясачные сборщики. Они могли просто «накинуть» к ясачному окладу несколько соболей «для своей бездельной корысти», подчас взимая ясак в двойном и тройном размере против оклада, могли низко оценить принесенную иноземцами в ясак пушнину, заставляя их тем самым сдавать больше и забирая излишки себе, могли заменить «лучшие» меха, сданные в ясак, своими «худыми» и, наконец, широко практиковали вымогательство «подарков» и «гостинцев» в виде пушнины, продуктов питания, одежды. В последнем случае казаки захватывали в заложники близких родственников ясачноплательщика (жен и детей) и охотно прибегали к мерам физического воздействия: батогами выбивали «подарки».

Во-вторых, для обеспечения собственного существования и новых походов русские прибегали к реквизиции у аборигенов всего необходимого: продуктов питания, одежды, средств передвижения. Аборигены должны были поставлять и «корма» для содержания захваченных у них аманатов. Притом, если ясачный сбор, по крайней мере величина ясачного оклада, хоть как-то регламентировался официально, то эти реквизиции абсолютно не нормировались и казаки «по праву сильного» забирали столько, сколько хотели. В частности, сбор аманатского корма превращался в еще одно средство вымогательства. В конце 1730-х годов Иркутская провинциальная канцелярия по поводу содержания аманатов на Камчатке, в частности, отмечала, что «из того зборного аманатского корму посланные зборщики и служилые люди про себя употребляют, а аманатом разве малое дело юколы ради пропитания дают, а больши питаются, собирая под окнами милостиною, и хуже скота содержат, что немалое озлобление такому дикому народу», «а с курильских народов и з островов первого и второго и третьего, которые прилежат к японской стороне, те зборщики и служилые люди вместо таковых аманатских кормов берут с каждого ясашного по камчацкому бобру..., а *взятые грабежом те розделяют по себе*»<sup>28</sup>.

Возможность для наживы предоставляла и торговля<sup>29</sup>. Мало того, что русские несоразмерно завышали стоимость казенных и собственных товаров, они еще и навязывали их силой, «торгуя», к тому же, в нарушение указов, до ясачного сбора. Иноземцы, будучи не в состоянии расплатиться, становились должниками, и за неуплату долга русские забирали у них жен и детей, а то и самого должника превращали в холопа. Главным, да фактически единственным товаром, который скупали русские, была пушнина, поскольку ничего другого, представлявшего ценность для дальнейшей перепродажи, у аборигенов просто не было.

Особо стоит остановиться на таком распространенном явлении, как похолопление «иноземцев». Его источниками, как отмечено, были плен (ясырь) и долговые обязательства. Наибольшие масштабы оно приняло на Камчатке. Г.В. Стеллер писал: «У каждого казака было по меньшей мере 15–20 рабов, а у некоторых даже от 50 до 60. Этих рабов они проигрывали в кабаке в карты, и случалось, что рабыня в течение одного вечера переходила к трем или четверем хозяевам, причем каждый, кто выигрывал, ее насиловал. Таких рабынь казаки выменивали также на собак»<sup>30</sup>. Ему вторил С.П. Крашенинников: «Из острожков покоренных силою брали они довольное число в полон женского полу и малолетних, которых разделяя по себе владели ими как холопами»<sup>31</sup>, добавляя в другом месте: «Походы служивым не бескорыстны бывали, ибо они, побив мужиков, жен их и детей брали к себе в холопство, отчего до розыску бывшего 1734 и 1735 году у каждого служивого человека по 10, а у богатых человек и по 40 холопей, по их ясырей было, им покупать и продавать и пропивать и в карты проигрывать их вольно было»<sup>32</sup>. Данные I переписи 1724 года показывают, что в Верхнекамчатском остроге только у 27 разночинцев числился юг холоп, в Большерецке у 34 разночинцев – 108 холопов (для сравнения: в Анадырском остроге у шести разночинцев было 17 холопов)<sup>33</sup>. И это без учета собственно служилых людей, у которых холопов было явно больше.

Возможность иметь значительное число холопов приводила к тому, что холоповладельцы – казаки, промышленники, разночинцы – предпочитали фактически жить за их счет. «Несчаст-

ные рабы должны были исполнять всякую работу, и ни один казак решительно не ударял пальцем о палец, а только играл в карты, пьянствовал, объезжал от поры до времени свой округ для сбора долгов или шел на войну» (Г.В. Стеллер)<sup>34</sup>. «Оные холопы должны были стараться о всем потребном к содержанию, а они, как господа, довольствовались готовым, ни за какие труды не принимаясь... жили они как дворяне за холопами» (С.П. Крашенинников)<sup>35</sup>. Эти замечания двух наблюдательных современников наводят на мысль, что на Камчатке был насажден худший из известных вариантов тогдашних общественных отношений – холопство, причем в самых жестких, фактически рабских формах. Это, конечно, имело негативные последствия, и не только потому, что в корне разрушало социально-экономическую структуру ительменского общества, но и потому, что заставляло русско-ительменские отношения «вращаться по замкнутому кругу». Служилые и промышленные люди, оказавшись на Камчатке, выстраивали свое жизнеобеспечение за счет труда холопов-ительменов и, соответственно, не имели потребностей в создании собственных хозяйств. Отсутствие хозяйства давало казакам массу свободного времени, которое они проводили в попойках и картежной игре, в результате чего проигрывали и проигрывали все имущество (в том числе и холопов)<sup>36</sup>. Когда это происходило, казаки отправлялись на захват новой добычи и военнопленных. А далее все повторялось.

И тут мы выходим на очень важный вопрос: только ли внешние обстоятельства (потребности жизнеобеспечения и обогащения) детерминировали действия землепроходцев или же их поведение зависело также от их морального облика и менталитета? Данная проблема никогда всерьез не занимала исследователей присоединения Сибири. Биографии отдельных «пионеров» «сибирского взятия» лишь в малой степени обозначают контуры проблемы. К тому же, написанные в рамках концепции «преимущественно мирного присоединения Сибири», они старательно облагораживают облик «героев», выводя за скобки их негативные черты.

Разумеется, проследить жизненный путь и дать оценку нравственного облика каждого из тех, кто отправлялся «встречь солнцу», невозможно. Да и вряд ли нужна такая подробная конкретизация. Известные факты вполне позволяют и без этого дать обобщенную характеристику сибирских «конквистадоров», в нашем случае – тех, кто действовал на крайнем северо-востоке Сибири.

Уже исходя из того, что в отрядах землепроходцев преобладали до известного момента «добровольцы», можно утверждать, что это были люди далеко не спокойные по своему характеру, достаточно смелые, самостоятельные, решительные и склонные к авантюризму. Когда поток «добровольцев» стал иссякать, к походам, сбору ясака и вообще к несению службы продолжали привлекаться промышленники и казацкие родственники, т. е. люди, формально не состоящие на службе, а значит, не связанные дисциплиной. Да и основная «ударная сила» присоединения – служилые люди – отнюдь не были носителями высокой нравственности и добропорядочности.

Якутский гарнизон до 1680-х годов и, соответственно, отряды землепроходцев в значительном количестве пополнялись людьми, мало склонными к дисциплине и порядку. Согласно данным Ф.Г. Сафронова, в состав якутских служилых людей в 1640-1670-х годах было поверстано 378 человек, из них 129 (одна треть!) оказались ссыльными, 118 (еще треть!) – промышленными и гулящими людьми<sup>37</sup>. То есть их в значительной степени можно отнести к маргинальным слоям тогдашнего российского общества, так называемой вольнице. К тому же надо иметь в виду, что среди ссыльных были далеко не только «борцы против феодального гнета» и военнопленные, но и обычные уголовники – воры, разбойники, насильники.

Число этих маргиналов среди якутских казаков увеличивалось в результате широко практиковавшегося наемничества, когда определенный по очереди на службу в дальние остроги и зимовья казак, не только из Якутска, но и из других сибирских городов, нанимал вместо себя другого казака, чаще всего – того же гулящего человека<sup>38</sup>. Это и понятно: «домовитый» слу-

жилой человек, обремененный хозяйством и семьей, предпочитал стабильность и постоянное место жительства. За «журавлем в небе» гнались в подавляющем большинстве люди, ничего не имевшие за душой – голытьба «без кола и двора». В частности, Г.А. Леонтьева указывала, что дважды, в 1701 и 1706 годах, в отряд Атласова, комплектовавшийся в Сибири для посылки на Камчатку, попадали люди с сомнительной репутацией, в том числе уголовники<sup>39</sup>.

Подымаясь в походы на своем «коште», оторванные по несколько лет от баз снабжения и вышестоящего начальства, находясь на неизвестной или еще мало обследованной территории, отряды землепроходцев и гарнизоны новопостроенных острогов и зимовий, в чьем составе были люди, отличавшиеся своеволием и нередко буйным нравом, были полностью предоставлены сами себе. К тому же, как уже давно подмечено историками, среди сибирских служилых людей были сильны традиции казачьего и вообще «мирского» самоуправления<sup>40</sup>. Как писал Н.И. Никитин, «внутренняя организация казачьих ватаг складывалась в том виде, какой был наиболее целесообразен для выполнения поставленных задач и вообще для выживания в суровых, экстремальных условиях. Она являла собой нередко причудливую смесь официальных и устанавливаемых самими казаками и диктуемых жизнью порядков»<sup>41</sup>. С одной стороны, во главе «войска» (именно так называли казаки свой отряд независимо от его численности) стоял представитель воеводской администрации – приказчик, с другой стороны, войско оказывало или стремилось оказывать влияние на его действия своим советом. Добыча в соответствии с нормами общежития вольного казачества должна была поступать в общий «котел» («дуван») и делиться на паи («дуваниться»)<sup>42</sup>. Это, соответственно, приводило к круговой поруке.

В этом отношении, в частности, показателен инцидент, произошедший в 1718 году на Камчатке. Служилый человек Федор Балдаков, обиженный тем, что его отстранили от сбора ясака, подал «выборным судейкам» Нижнекамчатского острога Кузьме Вежливцову и Алексею Колычеву челобитную с изложением «лихоимств» ясачного сборщика Степана Саблина. «Судейки», зависимые от казаков, выбравших их на «приказ», собрали «круг» и зачитали челобитную Балдакова вслух «всенародно». При этом по поводу обвинений в «лихоимствах» они заявили: *«Мы де и все так делаем сами»*, – и отказались начать следствие<sup>43</sup>.

Подобная «войсковая» организация вкупе с преобладанием анархического элемента приводили к тому, что действовавшие на северо-востоке Сибири отряды напоминали собой ватаги вольных казаков, отправившихся в поход за «зипунами». Во время первоначального «присоединения» новых земель самостоятельность землепроходцев доходила до того, что они рассматривали объясаченные ими территории как свои «вотчины», не допуская на них конкурентов из других гарнизонов, в результате чего случались даже вооруженные столкновения между разными отрядами («и в том де меж себя у служилых людей бывает ссора великая, а ясачным людям налога»)<sup>44</sup>. Частыми были казачьи волнения, бунты и неповиновение властям и командирам, сопровождавшиеся распрями среди самих казаков из-за дележа добычи. Изредка случались ограбления казаками торговых и промышленных людей<sup>45</sup>.

Самым ярким всплеском казачьей самостоятельности в данном регионе стал бунт казаков на Камчатке в январе – марте 1711 года. Это событие, упоминаемое во многих работах, до сих пор остается неизученным, без должной и развернутой оценки<sup>46</sup>. Не вникая в подробности и обстоятельства бунта (что требует отдельного анализа), я лишь обозначу его главные причины: во-первых, столкновение интересов казачьей вольницы со стремлением якутских властей руками приказчиков навести порядок и, во-вторых, столкновение норм казачьего общежития («войсковых» традиций) с «самовластьем» приказчиков. Последние вели себя как царьки и в отношениях с подчиненными предпочитали силовые методы воздействия, злоупотребляли властью, попирали важнейшее право казачьего войска – на «справедливый» раздел военной добычи. Почти все награбленное у ительменов они забирали себе. Как жаловались сами казаки, приказ-

чики «чинили... обиды и налоги великия для своих бездельных корыстей, к нам, рабам твоим, всячески приметывались, кнутьем и батоги били не по вине, на смерть, без розыску». Возмущение казаков закончилось тем, что они убили трех приказчиков, присланных из Якутска (В. Атласова, О. Липина, П. Чирикова), «раздували» их имущество и провозгласили выборное казачье самоуправление во главе с атаманом Данилой Анциферовым и есаулом Иваном Козыревским.

После этого бунта камчатские казаки волновались еще несколько раз. Осенью-зимой 1711 года они намеревались убить нового приказчика В. Савостьянова. В 1712 году закащик Верхнекамчатского острога казак Константин Кыргызов со своими подручными, 15 служилыми и промышленными людьми, захватил Нижнекамчатский острог, арестовав его закащика Федора Ярыгина и ограбив некоторых нижнекамчатских жителей, а заодно и местных ительменов. Затем он отказался передать власть прибывшему на Камчатку приказчику В. Колесову. В свою очередь Ярыгин, освободившись из тюрьмы, подобрав себе 18 «молодцов», навел грабежами ужас на Верхнекамчатский острог<sup>47</sup>. В 1715 году казаками был смещен и посажен под арест приказчик А. Петриловский, а в 1719-м – приказчик В. Кочанов. В 1720 году вновь наблюдалось сильное брожение в камчатских гарнизонах, и очередной приказчик М. Лукашевский в отчаянии доносил вышестоящим властям, что если не принять быстрых мер по замене распоясавшихся казаков другими, то Камчатке грозит безвластие, беспорядки и «в службе государевой остановка». При этом в ходе каждого бунта и волнения между самими служилыми и промышленными людьми, в зависимости от того, какую сторону они принимали, случались «разборки» и драки с поножовщиной<sup>48</sup>.

На этом поле буйной казачьей вольницы «вырастали» колоритные фигуры руководителей отдельных отрядов, ставших известными землепроходцами.

Так, пожалуй, самый деятельный и энергичный из них, Михаил Васильевич Стадухин, судя по его действиям, был достаточно жестким человеком и в отношениях с «коллегами» и «иноземцами» предпочитал силу. Еще до похода на Анадырь он конфликтовал с колымским приказчиком сыном боярским В. Власьевым, реквизируя без санкции «сверху» товары и суда у торговых людей на Колыме, не прочь был пограбить ясачных иноземцев («своею дуростью ходил на Анюю-реку и по той реке погромил ясачных мужиков, и те ясачные мужики... оголодали и не платили государеву ясаку»). Прибыв на Анадырь, вступил в конфликт с С. Моторой и С. Дежневым, в результате чего резко обострились отношения с юкагирами. Притом Стадухин совершал вооруженные нападения на тех юкагиров (анаулов), которых уже объясачил Дежнев, отбирал пушнину у своих «соперников» – Дежнева и Моторы, для получения информации не гнушался применять пытки к пленным («и он де, Мишка, их пытал, и они де с пытки в роспросе сказали...»). К слову сказать, между Стадухиным и Моторой была острая вражда. Последний еще на Колыме 6 февраля 1650 года пытался убить Стадухина, стреляя в него из лука<sup>49</sup>.

Вероятно, так же решительно Стадухин действовал и в отношении коряков, когда с Анадыря прибыл на Охотское побережье. Бывшие в этом походе казаки позднее, в 1658 году, сообщали в своей челобитной, что поход сопровождался многочисленными вооруженными столкновениями с иноземцами: «и раны от иноземцов и увечье принимали, ран по 5ти и по шти, и по юти на человеке... И многих, государь, побито нас, холопей твоих, на дорогах и на переходах, и на морском разбое, и на аманатцкой имке, и з голоду померло 37 человек»<sup>50</sup>. Прибыв в 1657 году в Охотский острог, Стадухин своими действиями во многом инициировал выступление охотских казаков против местного целовальника Л. Мартемьянова. И дни свои он закончил в 1666-м в бою с ламутами на Янском хребте<sup>51</sup>.

Схожим поведением отличался и другой «командир», Юрий Селиверстов, который, прибыв на Анадырь в апреле 1654 года, даже не заходя в зимовье, сразу же напал без всякого повода на ясачных анаулов, ограбил их, поранив и побив до смерти несколько человек. Затем

не смог поделить с Дежневым сферы влияния и конфликтовал с ним из-за моржовой корги<sup>52</sup>. Своевольным нравом и жадой добычи обладал еще один землепроходец, анадырский приказчик в 1663–1666 годах, Иван Меркурьевич Рубец (Бакшеев), который за время своей службы на Анадыре и похода на Камчатку «скопил» «пожитков» ни много ни мало на 1050 рублей. Правда, новый приказчик Д. Катасанов «вымучил» их у него<sup>53</sup>.

Еще один характерный пример – пятидесятник В.В. Атласов, человек несомненно умный и наблюдательный, прекрасно понимавший значение своего камчатского похода для интересов государства, отличавшийся решительностью, жесткостью и даже жестокостью, не лишенный страсти к наживе и своеволия. В литературе, правда, уже не раз предпринимались попытки облагородить образ этого «камчатского Ермака», представить его этаким бескорыстным землепроходцем, который стремился на новые земли исключительно ради любопытства<sup>54</sup>. Однако приводимые «адвокатами» Атласова аргументы нельзя признать убедительными. У него, как отмечал Б.П. Полевой, «прегрешений и достоинств было более чем предостаточно»<sup>55</sup>, причем первые подчас преобладали над вторыми.

Еще будучи рядовым казаком, Атласов в 1688 году вместе с казаком М. Гребенчиковым и якутом Г. Бачюковым во время сбора ясачных недоимок избил и ограбил несколько якутов. В 1692 году он был одним из заводил выступления анадырских казаков против приказчика С. Чернышевского. В 1701 году в целях снабжения своего отряда ограбил на Верхней Тунгуске торговый караван купца Л. Добрынина, потворствовал своим «полчанам», которые пьяным разгулом и грабежами держали в страхе город Киренск. Позднее собственноручно зарубил казака Данилу Беляева, который обвинил его в утайке от казны чернобурой лисицы. Во время двух своих походов на Камчатку то умел находить общий язык с коряками и ительменами, то применял против них крайние меры, пуская в ход оружие, своими «изгоями» вызвал восстание юкагиров в собственном отряде. Из первого похода он вывез своего «прибытку» 440 соболей, больше, чем собрал в ясачную казну. К концу повторного «приказного правления» на Камчатке, к 1707 году, сумел «накопить» 1235 соболей, 400 красных и 14 сиводущатых лисиц, 75 морских бобров и, кроме того, массу другой «мяхкой рухляди» в виде одежды. Понятно, что приобрел он все это не законным способом, а путем поборов с ительменов и подчиненных казаков. Последние, не выдержав лихоимств и издевательств Атласова, и убили его в 1711 году<sup>56</sup>. Вполне прав был М.И. Белов, который, характеризуя «камчатского Ермака», писал: «во время похода на Камчатку раскрылся со всей ясностью облик Атласова, сибирского казака – завоевателя, ясачного сборщика, своенравного, решительного и предприимчивого человека, смелого и не останавливающегося ни перед чем при достижении поставленной цели»<sup>57</sup>.

Вообще приказчики, правившие в северо-восточных острогах, заслуживают особого рассказа. Редкий из них не отличался страстью к наживе, лихоимством и даже самодурством. Имея официальные полномочия, подкрепленные к тому же «окупом», и, соответственно, покровительством со стороны якутского воеводы, они вели себя как самовластные правители. Причем доставалось не только иноземцам, но и подчиненным казакам, у которых приказчики забирали себе часть их жалованья и вымогали «подарки», даже с применением мер физического воздействия. Очень часто за грань «приличия», даже по меркам того времени и тех мест, выходили «правители» камчатских острогов. На грабеже ительменов они сколачивали огромные состояния.

Уже Атласов собрал в собственный карман больше пушнины, чем в казенный. Сменивший его приказчик Петр Чириков занимался незаконной торговлей, присваивал собранную в ясак пушнину и, по словам казаков, «чинил ясачным иноземцом грабительство, обиды и налоги великие и разорение не малое, рыбные кормы и зимняя припасы, сарану и кипрей, дворовым своим робятам велел отнимать без остатку, а лутчих которых ясачных иноземцов, он Петр, для своих бездельных корыстей кнутьем и батоги бил не по вине на смерть»<sup>58</sup>. Третий

приказчик, Осип Миронов (Липин), «учал... в ясачную пору по иноземским острогам ездить из Верхнего до Нижнего Камчадальского острогу, и чинил он, Осип, в проезде своем ясачным иноземцом обиды и налоги великия, для своих корыстей к ним всячески приметывался, бил многих батоги на смерть, не по вине»<sup>59</sup>. У трех этих приказчиков восставшие казаки в 1711 году отобрали 5260 соболей, 1610 лисиц, 170 каланов (морских бобров) и 22 соболя шубы<sup>60</sup>.

Прославился своим лихоимством и приказчик Алексей Петриловский, у которого после ареста обнаружили 5669 соболей, 1703 лисицы, 169 выдр, 297 каланов и, кроме того, огромное количество меховых лоскутов и меховой одежды (по другим данным, 5600 сорок соболей, 4400 лисиц, 500 каланов, 300 выдр, 18 лисьих шуб). Причем Петриловский не стеснялся в средствах: значительную часть этого богатства (на несколько тысяч рублей) он просто отобрал у известного землепроходца И. Козыревского; без всякого смущения выменял у коряков часть камчатского ясака, отбитого ими у отряда В. Колесова и И. Енисейского (присвоив его себе)<sup>61</sup>. С.П. Крашенинников писал, что Петриловский «по ненасытному своему лакомству не имел уже меры в граблении, хищении и мучительстве; редкой прожиточной человек мог избежать разорения по каким-нибудь его припадкам, а один служивой бедственным образом в вилах скончал и живот свой. Таким образом наградил он в краткое время такое богатство, которое превосходило похищенную двугодовую ясачную казну со всей Камчатки збору убитых двух прикащиков...»<sup>62</sup> Но и один из этих убитых приказчиков, Иван Енисейский, вывез с Камчатки собственной пушнины (без учета «мелочи») 6000 соболей, 1070 красных и 300 сиводущатых лисиц, 200 бобров<sup>63</sup>. А.И. Козыревский, уже в скором времени после ограбления Петриловским, внес в монастырь при своем пострижении в монахи 1260 шкурок соболей и других пушных зверей<sup>64</sup>. Другой приказчик В. Качанов, «будучи на приказе, чинил как русским, так и иноземцам великие обиды, с иноземцов брал в ясак одного соболя, а себе трех»<sup>65</sup>.

Чтобы понять весь размах злоупотреблений, достаточно сравнить приведенные данные о «лакомствах» приказчиков с размером ясачного сбора с ительменов. В 1702–1720 годах с Камчатки было вывезено «государева» ясака: соболей – 33 896, лисиц всех видов – 10 714, бобров – 966, соболях хвостов – 17 639<sup>66</sup>. Соответственно, в среднем в год вывозили около 1800 соболях шкурок, 560 – лисьих, 50 – бобровых, 930 – соболях хвостов. Приказчики же, которые «сидели» на приказе всего год-два, умудрялись собирать в свою пользу в несколько раз больше. Только упомянутые выше лица (Атласов, Чириков, Миронов, Петриловский, Козыревский, Енисейский) приобрели 18189 одних соболей, что составило 53,6 % от всего «государева» «соболиного» ясака за 19 лет. Как тут не воскликнуть вслед за историком XIX века Д. Садовниковым: «чтобы так нажиться, надо было просто разбойничать»<sup>67</sup>. При этом хищения далеко не всех приказчиков стали известны. К тому же надо учитывать, что немалое количество пушнины расходилось по рукам рядовых служилых людей.

Бывало и так, что действия приказчиков перехлестывали через край даже по меркам того времени. Так, прибывший в 1713 году к Охотскому острогу Иван Сорокоумов, назначенный руководителем морской экспедиции для поиска пути на Камчатку, ни с того ни с сего (будучи, видимо, в сильном подпитии) приказал обстрелять острог из пушки и фактически взял его штурмом. После этого, забыв о цели своего назначения, предался пьянству и грабежам. Якутским властям пришлось арестовать незадачливого морехода, и Сорокоумов окончил свои дни в тюрьме<sup>68</sup>.

Говоря о «лихоимствах» приказчиков, ясачных сборщиков и вообще землепроходцев, надо иметь в виду, что их характер, образ мыслей и действий вполне соответствовали времени. Господствующие социальные отношения и правовые нормы позволяли владение людьми и их использование в своих интересах, уровень образованности редко подымался выше элементарной грамотности, понятий о гуманизме и ценности человеческой жизни не было и в помине,

нормы христианской морали попирались даже священниками, в обыденной жизни официальная законность отступала перед сложившимися традициями.

К тому же в Сибири, с ее повышенной социальной мобильностью, открывались большие возможности для карьеры, когда при удачном стечении обстоятельств рядовой казак мог существенно продвинуться в чинах и обеспечить свое материальное благополучие. Хороший шанс для этого давали походы в новые земли и объясачивание иноземцев. Рассказы об удачных походах, передаваемые из уст в уста, привлекали новых «рекрутов» в отряды землепроходцев. В чести были храбрость, удачливость, инициативность, в результате чего «пушная лихорадка» дополнялась «духом завоеваний».

Подытоживая вышеизложенное, приходится констатировать, что обобщенный портрет русских землепроходцев, действовавших на крайнем северо-востоке Сибири, получился далеко не идиллическим. Большинство тех, кто шли «встречь солнцу», первыми вступали в контакты с иноземцами и устанавливали с ними отношения, подчиняя русской власти, были людьми весьма суровыми, совершенно не склонными к сентиментальности и добродушию. Но еще важнее то обстоятельство, что, будучи в значительной части социальными маргиналами, они уже в силу своего характера были склонны к девиантному поведению и, оказавшись в сложных объективных условиях (плохое материальное снабжение, обремененность долгами и финансовыми обязательствами) и соответствующей обстановке (слабый контроль «сверху», враждебное окружение), без всяких колебаний вставали на стезю преступлений, прибегая к злоупотреблениям – «лихоимствам», «налогам» и «обидам». Как писал один из немногих исследователей русско-аборигенных отношений в данном регионе В.И. Огородников, «все эти люди обладали исключительной настойчивостью и твердою волей, отличались страстью к приключениям и проявляли полную неразборчивость в средствах и жадность к добыче: таковы были общие свойства сибирских землеискателей прежнего времени»<sup>69</sup>.

Нетрудно догадаться, какие способы действий в отношении иноземцев предпочитали «землепроходцы» и «покорители». Если между собой они были далеки от любезности и в конфликтных ситуациях применяли оружие, то вряд ли иначе поступали с «чужими». Сами подвергаясь злоупотреблениям со стороны «власть имущих», они привносили такие же отношения силы в контакты с аборигенами. Уже упоминавшийся Д. Садовников верно подмечал, что казаки обращались с иноземцами так же, как с ними самими обращались «на Руси»<sup>70</sup>.

Естественно, что с такими людьми было трудно выполнить правительственную установку на мирные способы взаимодействия с аборигенами («ласкою, а не жесточью»), тем более, что в случае сопротивления и отказа от дачи аманатов и ясака разрешалось применение к «немирным иноземцам» вооруженной силы: «А которые будет новых земель люди будут непослушны и ласкою их под государеву царскую высокую руку привести ни которыми мерами немочно... и на тех людей посылати им служилых людей от себя из острожку и войною их смирить ратным обычаем», используя при этом все доступные средства («чинить над ними военный поиск огненным и лучным боем»).

Конечно, случались и исключения, когда служилые люди и промышленники, присоединявшие крайний северо-восток Сибири, предпочитали решать проблемы мирным путем<sup>71</sup>. Однако они растворялись в массе тех, для кого цель оправдывала средства, и вынуждены были играть по общим правилам. В принципе можно говорить, что землепроходцы, действия которых в значительной мере были детерминированы совокупностью субъективных и объективных факторов, неизбежно выстраивали свои отношения с аборигенами по линии конфронтации.

Несомненно одно: надо избавляться от мифологизированного образа русских землепроходцев. Без этого нельзя в полном объеме понять все обстоятельства и сам характер русского продвижения «встречь солнцу», поскольку совершенно очевидно, что «брали» Сибирь

не абстрактные «социальные группы» и «государственные институты», а вполне конкретные люди с вполне определенными устремлениями, образом мысли и действий.

### Примечания:

1 См. об этом: *Зуев А.С.* О характере присоединения Сибири к России (постановка проблемы) // Региональные процессы в Сибири в контексте российской и мировой истории. Новосибирск, 1998; *Он же.* Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Новосибирск, 1999. Вып. 1; *Он же.* От завоевания к вхождению, или Как присоединяли Сибирь к России советские историки // Родина. 2000. № 5.

2 Обзоры зарубежной историографии присоединения Сибири к России см.: *Чернавская В.Н.* Англоязычная историография и вопросы открытия и освоения русского Дальнего Востока (XVII – первая половина XIX вв.) // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. Владивосток, 1995. Т. 2; *Она же.* Концепция «русской восточной экспансии» в англоязычной историографии Дальнего Востока России (XVII–XVIII вв.) // Вестник Дальневосточного отделения РАН. Владивосток. 1994. № 5–6; *Дмитришин Б.* Русская экспансия к Тихому океану, 1580–1700 гг.: историографический обзор // Краеведческий бюллетень / Южно-Сахалинский обл. краевед. музей. Южно-Сахалинск, 1995. № 2; *Корчагин Ю.В.* Русская колонизация и народы Севера в зарубежной историографии // Доклады Межвузовской научно-теоретической конференции / Камчатский гос. пед. ин-т. Петропавловск-Камчатский, 1994. Ч. 1; *Он же.* Зарубежная историография вхождения северных народов в состав России // Из истории народов Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2000.

3 Вот, например, что писали по этому поводу авторы академической «Истории Сибири»: «Путем тщательного анализа материала советские ученые установили, что военные столкновения между русскими служилыми и местными жителями, имевшие место в процессе присоединения Сибири, вызывались обычно позицией отдельных представителей местной родоплеменной верхушки, возмущением местного населения тяжестью феодального гнета или злоупотреблениями царской администрации, но не противодействием сибирских народов в целом установлению российского подданства» (История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 18).

4 Надо заметить, что в условиях господства «мирной концепции» присоединения Сибири само присоединение стало изображаться как ряд последовательных «географических открытий», походы казаков и промышленников по Сибири стали представляться не как военные и промысловые предприятия с вполне определенными целями, а как географические экспедиции. Соответственно, историки старались не акцентировать внимание на фактах вооруженных столкновений. Особенно показательно в этом отношении описание событий, связанных с русским проникновением на Амур, в первую очередь похода Е.П. Хабарова. Разбойничий налет казаков и промышленников, приведший к запустению Даурской земли и массовому бегству местного населения, под пером историков 1960-1980-х гг. превратился в путешествие неутомимых и любознательных землепроходцев.

5 Сгруппировав рассыпанные в литературе, опубликованные в архивных источниках упоминания о русско-аборигенных столкновениях на северо-востоке Сибири, я составил соответствующую «Хронику», которую надеюсь в скором времени опубликовать.

6 Этнопсихологические аспекты русско-аборигенных отношений в период присоединения Сибири к России до сих пор являются совершенно неизученными, а сравнительно молодая российская этноконфликтология мало обращается к далекому прошлому, изучая, что вполне понятно, актуальные современные этнические конфликты.

7 Уже в 1647 г. якутские служилые люди в достаточно резкой форме подняли перед властями вопрос о нехватке жалованья, которое совершенно не соответствует характеру и тяже-

сти службы на северо-восточной окраине. См.: *Иванов В.Н.* Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999. С. 121.

8 *Сафронов Ф.Г.* Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М., 1980. С. 92–94.

9 Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии: Сб. документов / Сост. Н.С. Орлова; под ред. А.В. Ефимова. М., 1951. С. 278.

10 *Вдовин И.С.* Очерки истории и этнографии чукчей. М.; Л., 1965. С. 106; здесь и далее курсив мой.

11 Там же. С. 106–107.

12 Сказы Владимира Атласова о путешествии на Камчатку // Записки русских путешественников XVI–XVII вв. М., 1988. С. 419, 423; См. также: Русская тихоокеанская эпопея: Сб. док. / Сост. В.А. Дивин и др. Хабаровск, 1979. С. 107; *Леонтьева Т.А.* Якутский казак Владимир Атласов – первопроходец земли Камчатки. М., 1997. С. 100–101.

13 См.: *Сафронов Ф.Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в.: Управление, служилые люди, крестьяне, городское население. М., 1978. С. 89–90; *Федоров М.М.* Правовое положение народов Восточной Сибири (XVI – начало XIX в.). Якутск, 1978. С. 27; *Иванов В.Ф.* Русские письменные источники по истории Якутии XVIII – начала XIX в. Новосибирск, 1991. С. 58–59; *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Власть и общество; Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 135–136; *Леонтьева Г.А.* Указ. соч. С. 22–23.

14 *Федоров М.М.* Указ. соч. С. 27; *Акишин М.О.* Полицейское государство и сибирское общество; Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 180–181.

15 *Иванов В.Ф.* Русские письменные источники... С. 60–62; *Акишин М.О.* Указ. соч. С. 182.

16 *Сафронов Ф.Г.* Русские на Северо-Востоке Азии... С. 78, 79.

17 Например, к 1694 г. задолженность казны только перед якутскими казаками и только по денежным окладам составляла 8412 рубля 24 алтына 3,5 деньги (*Сафронов Ф.Г.* Русские на Северо-Востоке Азии... С. 83).

18 Обзор следственных дел о воеводских злоупотреблениях в Якутии см.; *Иванов В.Ф.* Русские письменные источники... С. 60–62, 91–116; *Акишин М.О.* Указ. соч. С. 179–182.

19 Колониальная политика Московского государства в Якутии XVII в. / Сб. док. под ред. Я.П. Алькора и Б.Д. Грекова. Л., 1936. С. 234.

20 *Огородников В.И.* Русская государственная власть и сибирские инородцы в XVI–XVIII вв. // Сб. трудов профессоров и преподавателей Иркутского ун-та. Иркутск, 1921. С. 90–97.

21 *Иванов В.Н.* Вхождение Северо-Востока Азии... С. 23, 37–39, 43–45, 64, 66; *Сафронов Ф.Г.* Русские на Северо-Востоке Азии... С. 25.

22 Русская историческая библиотека. СПб., 1875. Т. 2. № 213. С. 964. Приведенная фраза является дословным цитированием соответствующего места из «докладной записки» мангазейского воеводы А.Ф. Палицына 1633 г. (См.; *Иванов В.Н.* Вхождение Северо-Востока Азии... С. 64).

23 *Иванов В.Н.* Вхождение Северо-Востока Азии... С. 172, 173; *Огородников В.И.* Указ. соч. С. 94–97.

24 Якутия в XVII в.; Очерки. Якутск, 1953. С. 45, 284; *Гурвич И.С.* Этническая история Северо-Востока Сибири. М., 1966. С. 18, 19, 35; *Михайлова Е.А.* К вопросу об этно- и культурогенезе коренного населения крайнего Северо-Востока Азии // Сибирь; Древние этносы и их культуры. СПб., 1996. С. 186–187; *Туголуков В.А.* Кто вы, юкагиры? М., 1979. С. 20.

25 Записки русских путешественников XVI–XVII вв.... С. 420.

26 Памятники сибирской истории. СПб., 1882. Кн. I. С. 462–463, 488–489; Колониальная политика царизма на Камчатке и Чукотке в XVIII веке / Сб. архив, материалов под ред. Я.П. Алькора и А.К. Дрезена. Л., 1935. С. 33–35, 194.

27 Наиболее подробно и впечатляюще описание казачьих лихоимств буквально по свежим следам дал Г.В. Стеллер (*Стеллер Г.В.* Описание земли Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1999. С. 136–139; *Он же.* Из Камчатки в Америку: Быт и нравы камчадалов в XVII в. Л., 1928. С. 18–20).

28 РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. Д. 481. Ч. 7. Л. 199–199 об.

29 См. также: *Сафронов Ф.Г.* Русские промыслы и торги... С. 99–101.

30 *Стеллер Г.В.* Описание Камчатки... С. 139.

31 *Крашенинников С.П.* Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949. С. 505–506.

32 Там же. С. 753.

33 Колониальная политика царизма... С. 7–8.

34 *Стеллер Г.В.* Описание Камчатки... С. 139.

35 *Крашенинников С.П.* Указ. соч. С. 505–506.

36 *Стеллер Г.В.* Описание Камчатки... С. 137–138.

37 *Сафронов Ф.Г.* Ссылка в Восточную Сибирь в XVII веке. Якутск, 1967. С. 45–47; *Он же.* Русские на Северо-Востоке Азии... С. 64–65. Надо заметить, что центральные власти, выдерживая общую политику сословной замкнутости служилых людей, в отношении далекой якутской окраины проявляли колебания, то запрещая, то разрешая верстать в служилые сословия, гулящих, промышленных.

38 *Сафронов Ф.Г.* Русские на Северо-Востоке Азии... С. 59.

39 *Леонтьева Г.А.* Указ. соч. С. 142.

40 См.: *Александров В.А., Покровский Н.Н.* Указ. соч. С. 75–107; *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988. С. 42–48; История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. г. С. 44–45; *Акишин М.О.* Указ. соч. С. 12.

41 *Никитин Н.И.* Землепроходец Семен Дежнев и его время. М., 1999. С. 32.

42 Там же. С. 32–33.

43 РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 527. Д. 12. Л. 3. Об.-5.

44 *Матюнин Н.* О покорении казаками Якутской области и состоянии Якутского казачьего пешего полка // Памятная книжка Якутской области на 1871 г. СПб., 1877. С. 140, 142–144; Якутия в XVII в. С. 40, 44; *Белов М.И.* Семен Дежнев. М., 1955. С. 18–19, 25; *Тураев В.А.* И на той Улье-реке... Русский землепроходец И.Ю. Москвитин: правда, заблуждения, догадки. Хабаровск, 1990. С. 20–21; *Иванов В.Н.* Вхождение Северо-Востока Азии... С. 45; *Бродников А.А.* Алданские события 1639 г. (К вопросу о взаимоотношениях русских служилых людей и коренного населения Якутии в первой половине XVII в.) // Казаки Урала и Сибири в XVII–XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 46–51.

45 *Садовников Д.* Наши землепроходцы. Рассказы о заселении Сибири (1581–1712). М., 1905. С. 140–141; *Белов М.И.* Семен Дежнев... С. 83–84; *Сафронов Ф.Г.* Ссылка в Восточную Сибирь... С. 63; *Леонтьева Г.А.* Указ. соч. С. 59.

46 Сведения о камчатском бунте 1711 г. разной степени полноты встречаются во многих работах, посвященных истории Камчатки и Сибири (С.П. Крашенинникова, Г. Спасского, А. Сгибнева, В.Л. Приклонского, Д. Садовникова, Н. Матюнина, В. Маргаритова, Б.П. Полевого, Г.А. Леонтьевой и др.), однако нет ни одного специального исследования о данном событии.

47 Памятники сибирской истории. Кн. I. С. 490, 501, 529–535; Кн. 2. С. 537; *Крашенинников С.П.* Указ. соч. С. 485; *Сгибнев А.* Исторический очерк главнейших событий в Камчатке с 1650 по 1856 г. // Морской сборник. 1869. Т. юг. № 4. С. 82, 83, 84; *Матюнин Н.* Указ. соч. С. 163; *Леонтьева Г.А.* Указ. соч. С. 149, 150. В этой междоусобице закащиков вполне проглядывает борьба верхне- и нижнекамчатского гарнизонов за сферы влияния и явную территорию.

48 Памятники сибирской истории. Кн. I. С. 539; Кн. 2. С. 268–269; *Крашенинников С.П.* Указ. соч. С. 490, 745–746, 758; *Сгибнев А.* Исторический очерк... С. 99; *Матюнин Н.* Указ. соч. С. 166; *Маргаритов В.* Камчатка и ее обитатели // Записки Приамурского отдела Императорского РГО. Хабаровск, 1899. Т. V. Вып. I. С. 14.

49 Открытия русских землепроходцев... С. 261, 263, 266, 275; *Самойлов В.А.* Семен Дежнев и его время. С приложением отписок и челобитных Семена Дежнева о его походах и открытиях. М., 1945. С. 73–75, 124–127, 129; *Белов М.И.* Семен Дежнев... С. 83, 85–88; *Никитин Н.И.* Землепроходец Семен Дежнев... С. 100, 102–107; *Полевой Б.П.* Новое об открытии Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1997. Ч. I. С. 70, 78.

50 Открытия русских землепроходцев... С. 267–269.

51 *Белов М.И.* Семен Дежнев... С. 111.

52 *Самойлов В.А.* Семен Дежнев... С. 78; *Белов М.И.* Семен Дежнев... С. 95–96; *Никитин Н.И.* Землепроходец Семен Дежнев... С. 118–119, 121.

53 *Полевой Б.П.* Новое об открытии Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1997. Ч. 2. С. 19–22, 28.

54 См., например; *Магидович И.П., Магидович В.И.* Очерки по истории географических открытий. М., 1984. Т. 3. С. 76–78; *Скалой В.Н. В. В.* Атласов – первый исследователь Камчатки // Вопросы географии Сибири. Томск, 1953. Сб. 3. С. 268–269; *Леонтьева Г.А.* Указ. соч.

55 *Полевой Б.П.* Новое об открытии Камчатки... Ч. 2. С. 120.

56 Об Атласове накопилось уже достаточно большое количество литературы. См. основные работы; *Спасский Г.* Владимир Атласов, покоритель Камчатки (Эпизод из истории Камчатки) // Вестник Императорского Русского географического общества. СПб., 1858. Ч. 24. № 12. С. 157–172; *Маргаритов В.* Указ. соч. С. 5–12; *Белов М.И.* Новые данные о службах Владимира Атласова и первых походах русских на Камчатку // Летопись Севера. М., 1957. Т. 2. С. 89–106; *Вахрин С.* Покорители Великого океана: Очерки. Петропавловск-Камчатский, 1993. С. 33–38; *Полевой Б.П.* Новые биографические сведения о Владимире Атласове // Изв. АН СССР. Сер. географ. 1963. № 5. С. 90–92; *Полевой Б.П.* Новое о Владимире Атласове // Дальний Восток. Хабаровск, 1976. № 4. С. 130–135; *Полевой Б.П.* Новое об открытии Камчатки... Ч. 2. С. 68–120, 136–140; *Леонтьева Г.А.* Указ. соч.

57 *Белов М.И.* Новые данные о службах Владимира Атласова... С. 103.

58 Памятники сибирской истории. Кн. I. С. 443–445.

59 Там же. С. 447.

60 Там же. С. 450–451; *Крашенинников С.П.* Указ. соч. С. 483; *Огрызко И.И.* Очерки истории сближения коренного и русского населения Камчатки (конец XVII – начало XX веков). Л., 1973. С. 18.

61 Памятники сибирской истории. Кн. 2. С. 254; *Крашенинников С.П.* Указ. соч. С. 490, 758; *Сгибнев А.* Исторический очерк... С. 99; *Маргаритов В.* Указ. соч. С. 14; *Садовников Д.* Указ. соч. С. 159; *Вахрин С.* Покорители Великого океана... С. 43, 44; *Леонтьева Г.А.* Указ. соч. С. 151.

62 *Крашенинников С.П.* Указ. соч. С. 490.

63 *Сгибнев А.* Исторический очерк...; *Вахрин С.* Иван Козыревский // На суше и на море. 1990: Повести, рассказы, очерки, статьи. М., 1991. С. 380; *Окунь С.Б.* Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л., 1935. С. 18.

64 *Окунь С.Б.* Указ. соч. С. 18.

65 *Крашенинников С.П.* Указ. соч. С. 745, 758.

66 Подсчитано по: РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 481. Ч. 7. Л. 174–183.

67 *Садовников Д.* Указ. соч. С. 159.

68 *Сзибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 г. // Морской сборник. 1869. Т. 105. № 11. Отдел «Неофициальный». С. 6; *Вус В.* Заветный край особой русской славы: Науч.-попул. очерк истории Охотска. Хабаровск, 1990. С. 27.

69 *Огородников В.И.* Указ. соч. С. 71.

70 *Садовников Д.* Указ. соч. С. 54–55.

71 К такому типу людей принадлежал, в частности, С. Дежнев. Известно, что еще до анадырской службы ему удавалось «умирять» впавших в «измену» якутов без применения силы, а в 1641 г., будучи на Оймяконе, он сумел не только «ласкою» взять ясак с местных якутов и тунгусов, но и установить с ними дружеские отношения, да такие, что, когда его отряд подвергся нападению «немирных» тунгусов и гибель была неминуема, только что объясаченные друзья пришли на помощь и помогли отбить нападение. Оказавшись на Анадыре Дежнев прибегал к «ратному бою» только в случае крайней необходимости, без значительных столкновений объясачил анадырских юкагиrow и даже пытался защищать их от произвола со стороны Стадухина. И после Анадыря, продолжая службу в Якутии, он умело разрешал возникавшие конфликты с якутами и тунгусами, отговаривая их от «бунта» и «измены». См.: *Самойлов В.А.* Семен Дежнев... С. 60, 71, 73–74, 76–78; *Никитин Н.И.* Землепроходец Семен Дежнев... С. 44–45; *Белое М.И.* Семен Дежнев... С. 34, 109.

## **Анатолий Ремнев**

### **Вдвинуть Россию в Сибирь: империя и русская колонизация второй половины XIX – начала XX века**

Выступая 31 марта 1908 года в Государственной думе по поводу строительства Амурской железной дороги, глава правительства П.А. Столыпин подчеркнул, что она должна быть построена русскими людьми, которые не только проложат эту дорогу и поселятся вдоль нее, они выполнят гораздо большее – «они вдвинутся в край и вдвинут вместе с тем туда и Россию»<sup>1</sup>.

Расширение империи на восток не ограничивалось только военно-политической экспансией, это был и сложный процесс превращения Сибири и Дальнего Востока в Россию. С установлением новых государственных границ имперская политика переходила в длительную фазу интеграции новых территорий и народов в единое политическое и социокультурное пространство. Это было не только военное закрепление за Российской империей новых территорий и народов восточнее Урала, крестьянское переселение и хозяйственное освоение сибирских земель, но и осмысление Сибири как земли русской. П.Н. Милюков в этой связи замечал: «Последний продукт колонизационного усилия России – ее первая колония – Сибирь стоит на границе того и другого»<sup>2</sup>. Империя как бы вырастала из исторического процесса «собираания русских земель» и, как писал поэт Велимир Хлебников: «Вслед за отходом татарских тревог – это Русь пошла на восток»<sup>3</sup>.

Основным отличием Российской империи от западных мировых держав считалось то, что она представляет собой цельный территориальный монолит. Поэтому, как заметил Д. Дивен, «русскому колонисту было затруднительно ответить на вопрос, где, собственно, заканчивается Россия и начинается империя?»<sup>4</sup>. Для англичанина ответ на этот вопрос был очевиден, как только он садился на корабль и отплывал от берегов Туманного Альбиона. Тема расширяющегося «фронта» на нерусской окраине, помимо военных действий и организации управления, включала «конструктивные» аспекты российской колонизации: «Рождение новой социальной идентичности, этнических отношений, новых ландшафтов, регионального хозяйства и материальной культуры»<sup>5</sup>. В этом заключалась не только географическая предопределенность отличия континентальной империи от заокеанских колоний европейских держав.

В российской имперской политике господствовал стереотип, что только та земля может считаться истинно русской, где прошел плуг русского пахаря. Крестьянская колонизация становилась важным компонентом имперской политики, а крестьянин – эффективным ее проводником. С XIX века крестьянское и казачье переселение на свободные земли почти целиком попадает под контроль государства, которое стремится подчинить его задачам имперского закрепления новых территорий. Главной движущей силой колонизации становится уже не «природная стихия» крестьянских побегов от государства, а само государство, которое направляет народные потоки, создает для русских переселенцев защитно-оградительную инфраструктуру, законодательно стимулирует и регулирует размещение русских населенных пунктов<sup>6</sup>. Крестьянская колонизация сознательно воспринимается как необходимое дополнение военной экспансии. «Вслед за военным занятием страны, – отмечал известный публицист Ф.М. Уманец, – должно идти занятие культурно-этнографическое. Русская соха и борона должны обязательно следовать за русскими знаменами и точно так же, как горы Кавказа и пески Средней Азии не остановили русского солдата, они не должны останавливать русского переселенца»<sup>7</sup>. Реализацию исторической миссии России – продвижение на восток – должна была, согласно Уманцу, происходить в равной мере посредством меча и орала.

Таким образом, важнейшую роль в строительстве империи должны были сыграть не столько военные и чиновники, сколько мирные крестьяне-переселенцы. Существовала своего рода народная санкция имперской экспансии, которая оправдывалась приращением пахотной земли с последующим заселением ее русскими<sup>8</sup>.

Даже ссылка в Сибирь рассматривалась как «внутренняя колонизация», в отличие от западной принудительной эмиграции из метрополии в колонии<sup>9</sup>. Не случайно даже каторжане Сахалина с гордостью заявляли: «Нерадостная судьба наша заставляет позабыть свою родину, свое происхождение и поселиться на краю света, среди непроходимых лесов. Бог помог нам. В короткое время построили дома, очистили долину под поля и луга, развели скот, воздвигли храм, и, вы сами теперь видите, здесь Русью пахнет»<sup>10</sup>.

Экстенсивный характер крестьянского земледелия как бы подталкивал власть к расширению земельной площади, в том числе и к созданию земельных запасов впрок, для будущих поколений. П.А. Кропоткин вспоминал, как во время экспедиции 1864 года в верховья Амура заблестели глаза у казака, увидевшего, насколько хороши здесь земли: «Тогда мне стало ясно, что рано или поздно, при поддержке русского правительства или без нее, оба берега Амура, покуда пустынные, но удобные для колонистов, заселятся русскими»<sup>11</sup>. «Необходимо помнить, – писал уже в 1900 году военный министр А.Н. Куропаткин, – что в 2000 году население России достигнет почти 400 мил. Надо уже теперь начать готовить свободные земли в Сибири, по крайней мере для четвертой части этой цифры»<sup>12</sup>. Влиятельный в правительственных сферах экономист профессор П.П. Мигулин на страницах газеты «Русь» пытался в начале XX века описать имперское расширение на Дальнем Востоке в категориях «национального интереса»:

Народ наш, обладающий страстной жаждой к земле, отлично поймет значение захвата таких областей, как Монголия и Маньчжурия, с их обширными и плодородными равнинами, пригодными и для земледелия, и для скотоводства. Но он поймет и значение открытого моря и важность короткого общения (торгового и политического) с восточными народами, живущими в ином, чем мы, климате и производящими предметы нашего широкого потребления (чай, хлопок, пряности, фрукты), без которых мы не можем обойтись... Поймет наш народ отлично также важность умножения наших золотоносных, железных, нефтяных, медных, каменно-угольных и других месторождений, которыми столь обильны спорные области, – поймет и пойдет на их разработку<sup>13</sup>.

Еще в большей степени, нежели Франция, Россия была «обречена расплачиваться за свою огромную территорию, за свой по-крестьянски ненасытный аппетит к приобретению все новых и новых земель»<sup>14</sup>. Мания пространства долгие годы отождествлялась в народном сознании с политическим могуществом империи.

Современный исследователь Л.Е. Горизонтов видит в русском колонизационном движении перспективу «двойного расширения» Российской империи путем внешнего ее территориального роста, который дополнялся параллельным разрастанием «имперского ядра» за счет примыкающих к нему окраин<sup>15</sup>. Российский имперский проект предусматривал постепенное поглощение имперским ядром (прежде всего в результате русской крестьянской колонизации) Сибири, Дальнего Востока, а также части Степного края. Это был сложный и длительный процесс, в котором сочетались тенденции империостроительства и нациестроительства, что должно было обеспечить империи большую стабильность и дать ей национальную перспективу. Как отмечает А. Рибер, Российская империя «уникальным, калейдоскопическим образом сочетала государственное строительство с колониальным правлением», стремилась

добиться культурной гармонии, идейной сплоченности и административно-правового единства государства<sup>16</sup>.

Со второй половины XIX века движение русского населения на имперские окраины (как стихийное, так и регулируемое государством) начинает сознательно восприниматься и в правительстве, и в обществе как целенаправленное политическое конструирование империи. Это была своего рода сверхзадача, которая с 1860-х годов формулируется как новый национальный курс на создание «единой и неделимой» России, с центральным государственным ядром, окруженным окраинами. Однако эти окраины со временем способны обречь и слиться с сердцевинной империи, ее внутренними губерниями, населенными русскими<sup>17</sup>. Отсутствие четких границ внутри государственного пространства Российской империи создавало условия для расширения этнического ареала расселения русских.

Сибирь и Дальний Восток включались в более широкий дискурс: «Европа – Россия – Азия», частью которого было новое прочтение проблемы деления России на европейскую и азиатскую части – деления, которое было вызвано еще петровской вестернизацией, стремлением иметь в провозглашенной империи свою европейскую метрополию и свою азиатскую периферию<sup>18</sup>.

Однако национальный колониционный компонент имперской политики давал новые возможности не только для укрепления государственного единства, но и для создания общего цивилизационного пространства.

Сотрудник российского посольства в Китае Ф.Ф. Вигель писал в 1805 году, что в отличие от британских заморских колоний Сибирь, «как медведь», сидит у России на привязи и пока ей не нужна. Однако в будущем, рассуждал он, Сибирь будет полезна России как огромный запас земли для быстро растущего русского населения, и по мере заселения Сибирь будет укорачиваться, а Россия расти<sup>19</sup>. Н.И. Надеждин заметил также, как к «основному ядру» империи, где «география имеет чисто Русскую физиономию», где расположена «коренная Русская земля», присоединяются новые земли в Азии и Северной Америке. Это, по его словам, наш Новый Свет, который «деды наши открыли и стали колонизовать почти в то же время, как прочие Европейцы нашли новый путь к Азиатскому югу и открыли восток Америки»<sup>20</sup>. Историк Сибири и известный сибирский просветитель П.А. Словцов (1767–1843) рассматривал Сибирь как часть России, передвинувшейся за Урал<sup>21</sup>.

Востоковед В.П. Васильев в программной статье «Восток и Запад», опубликованной в 1882 году в первом номере газеты «Восточное обозрение», призывал перестать смотреть на русских как на пришельцев в Сибирь, заявляя: «мы давно уже стали законными ее обладателями и туземцами»<sup>22</sup>. П.П. Семенов-Тянь-Шанский писал об изменении этнографической границы между Европой и Азией путем ее смещения в результате колонизации все дальше на восток<sup>23</sup>. Историк М.К. Любавский в «Обзоре истории русской колонизации» определял прочность вхождения той или иной территории в состав Российского государства в соответствии с успехами русской колонизации, прежде всего крестьянской<sup>24</sup>. Именно русские переселенцы, отмечалось в официальном издании Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), должны были духовно скрепить империю, являясь «живыми и убежденными проводниками общей веры в целостность и неделимость нашего отечества от невских берегов до Памирских вершин, непроходимых хребтов Тянь-Шаня, пограничных извилин Амура и далекого побережья Тихого океана, где все, – в Азии, как и в Европе, одна наша русская земля, – одно великое и неотъемлемое достояние нашего народа»<sup>25</sup>. Колонии России – это ее окраины на Дальнем Востоке, в Средней Азии и на Кавказе. «Подобно тому, как наши южные степи, наша Новороссия, наша южная „украина“ некогда представляли запас для русского населения, так теперь наступило время постепенно использовать с этою же целью наши восточные

дальние окраины. Чем более населятся они русской народною массою, тем крепче свяжутся эти страны ядром Русского государства»<sup>26</sup>.

Н.Я. Данилевский утверждал, что направлявшиеся из центра страны колонизационные потоки, как правило, «образуют не новые центры русской жизни, а только расширяют единый, нераздельный круг ее»<sup>27</sup>. Таким образом, процесс русской колонизации можно было представить, по его мнению, растянутым во времени, поэтапным «расселением русского племени», что не создавало колоний западноевропейского типа, а расширяло целостный континентальный массив русской государственной территории. В каждом географическом фрагменте Российского государства, считал Н.Я. Данилевский, появляется не «отдельная провинциальная особь» и не государственное «владение» как таковое, но «сама Россия». Поэтому различия между центром и колонизируемыми окраинами виделись Данилевскому не политическими, а лишь обусловленными временем заселения и культурного освоения. Отстаивая идею целостности российского пространства, Н.Я. Данилевский, а вслед за ним и Г.В. Вернадский<sup>28</sup>, были склонны скорее преуменьшать имевшиеся различия, нежели их преувеличивать.

Д.И. Менделеев, в свою очередь, отмечал, что территориальный центр России и центр ее народонаселения далеко не совпадают, доказывал, что миграционные потоки со временем приведут к тому, что демографический центр России будет передвигаться с севера на юг и с запада на восток. Вместе с тем у Менделеева, сибиряка по происхождению, вызывало беспокойство то, что на карте Россия выглядит преимущественно азиатской. «Россия, по моему крайнему разумению, – писал он в 1906 году, – назначена сгладить тысячелетнюю рознь Азии и Европы, помирить и слить два разных мира...»<sup>29</sup>. Деление на европейскую и азиатскую Россию Менделеев считал искусственным уже в силу единства русского народа (великороссов, малороссов и белорусов), распространившегося по евразийскому матерiku.

Военная наука, в рамках которой в основном и формируется российская геополитика, выделяла как один из важнейших имперских компонентов «политику населения», предусматривавшую активное вмешательство государства в этнодемографические процессы, регулирование миграционных потоков, манипулирование этноконфессиональным составом населения на имперских окраинах для решения военно-мобилизационных задач. Прежде всего это было связано с насаждением русско-православного элемента на окраинах с неоднородным составом населения, или, как в случае с Приамурьем и Приморьем, на территориях, которым угрожала извне демографическая и экономическая экспансия. Внимание имперских политиков и идеологов устремляется на географию «племенного состава» империи в условиях изменившегося характера войн, которые перестали быть династическими или колониальными, превратившись в национальные. Народы империи начали разделять по степени благонадежности, принцип имперской верноподданности этнических элит стремились дополнить более широким чувством национального долга и общероссийского патриотизма. Считалось необходимым разредить население национальных окраин «русским элементом», минимизировать с помощью превентивных мер инациональную угрозу как внутри, так и вне империи.

Империя направляет на свои восточные окраины русских переселенцев, которые сознают себя там передовым форпостом России, что усиливает их национальную идентичность. Русские крестьяне здесь сильнее, нежели в центре страны, отождествляют себя с Русским государством, которое их защищает и которое они также призваны защитить.

Бывший военный министр А.Н. Куропаткин призывал оценивать успешность интеграционных процессов на востоке империи с точки зрения заселения «русским племенем», разделив территорию восточнее Волги на четыре района: 1) восемь губерний восточной и юго-восточной части Европейской России; 2) Тобольская, Томская и Енисейская губернии; 3) остальная часть Сибири и российский Дальний Восток; 4) Степной край и Туркестан. Если первые два района, по его мнению, могут быть признаны «краем великорусским и православным», то в

третьем районе, который тоже уже стал русским, процесс русификации еще не завершился, и усиливающаяся миграция китайцев и корейцев в Амурской и Приморской областях представляет для него серьезную угрозу. Еще более опасной ему виделась ситуация в четвертом районе. Поэтому, заключал Куропаткин, «русскому племени» предстоит в XX столетии огромная работа по заселению Сибири (особенно восточных ее местностей) и по увеличению в возможно большей степени русского населения в степных и среднеазиатских владениях<sup>30</sup>.

Территория за Уралом виделась уже не просто земельным запасом или стратегическим тылом, благодаря которому Россия, бесконечно продолжаясь на восток, становится несокрушимой для любого врага с запада. Бывший декабрист Д.И. Завалишин отмечал в 1864 году, что всякий раз, когда Россия волею или неволею обращалась к национальной политике, она принималась думать о Сибири<sup>31</sup>. Поэтому, подчеркивал он, так важно, чтобы зауральские земли были не просто освоены экономически, но и заселены по возможности однородным и единоверным с Россией населением.

Н.Н. Муравьев-Амурский в середине XIX века продолжал действовать на Дальнем Востоке в рамках прежней российской колонизационной стратегии, призванной демографически закрепить за империей новые территории, создать военно-административные опорные пункты, устроить коммуникации и военно-хозяйственные казачьи линии. Но в его мотивации необходимости скорейшего заселения приамурских земель появляются уже новые национальные мотивы. Ботаник Г.И. Радде вспоминал, что в Муравьеве-Амурском «горело желание насадить в необозримых пустынях семя русской культуры»<sup>32</sup>. Единство русского государственного ядра и вновь заселяемых имперских окраин достигалось прежде всего тем, писал в середине XIX века кяхтинский градоначальник Н.Р. Ребиндер, «что Сибиряки сохранили во всей чистоте первобытный Русский тип и Русские начала. Это служит лучшим залогом единства Русских по сю и по ту сторону Урала»<sup>33</sup>. Отправляя на Амур новых переселенцев, Муравьев напутствовал их: «С богом, детушки. Вы теперь свободны. Обрабатывайте землю, сделайте ее русским краем...»<sup>34</sup>

Архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий настаивал в 1856 году на необходимости, «как в первые времена заселена была Сибирь», переселить в Приамурский край выходцев из Европейской России, разместить их по почтовому тракту, сознавая при этом, что без насильственных мер не обойтись. Он специально разъяснял важность русского культурного продвижения: «Эти переселенцы, придя в Сибирь, принесли с собою все свои, общие всем, обычаи, свои познания, свои порядки и свое трудолюбие; для них переменялось почти одно только место, — а общество, т. е. их соседи, те же, что и были в России»<sup>35</sup>. Определяя главную цель присоединения к России обширного и почти пустынного Амурского края, Иннокентий отмечал, что она заключается прежде всего в том, «чтобы благовременно и без столкновений с другими державами приготовить несколько мест для заселения русских, когда для них тесно будет в России»<sup>36</sup>.

Однако колонизационные планы Муравьева-Амурского не нашли должной поддержки в Петербурге. Помимо нежелания помещиков лишиться дешевого крестьянского труда, существовали и сдерживающие политические факторы. Украинцы и белорусы были нужны на западе империи для усиления там «русского начала», что особенно стало ясно после польского восстания 1863 года. Самодержавие было вынуждено даже приостановить действие в Северо-Западном крае циркуляра министра внутренних дел «О порядке переселения крестьян на свободные земли» (1868)<sup>37</sup>. Ситуация изменилась только на рубеже XIX–XX веков, когда аграрные беспорядки на юге Европейской России стали внушать властям серьезные опасения.

Понимание русскости местные власти пытались расширить, включая в понятие «русские» не только великороссов, малороссов и белорусов, но и вообще все славянское население

ние. Обосновывая свое предложение о переселении на Амур чехов, Муравьев-Амурский отмечал: «Славяне понимают Россию как родную им землю; они соединят свою пользу с пользою русского населения. Передадут свои познания в усовершенствованном хозяйстве, будут преданы общему благу нового их отечества. Славяне переселяются в другие страны, но везде они, подавляемые чуждыми элементами, привыкают с трудом, – в России же должно быть напротив»<sup>38</sup>. Известный славист А.Ф. Гильфердинг писал, что западные славяне будут на Амуре гораздо лучшими колонистами, чем немцы, которые останутся «чуждыми русскому народу» и неизвестно как себя поведут во время вражеского нашествия.

«Славянин же, – утверждал он, – смотрит на Россию как на родную землю и охотнее поедет в русские владения, чем куда бы то ни было. Немец не скоро научится по-русски и будет всегда держать себя в исключительном положении; чех, моравец, словенец, словак через месяц заговорят по-русски, а детей их от русских вы не отличите»<sup>39</sup>. Но в деле с переселением «чехо-славян» политические опасения перевесили славянофильскую аргументацию, несмотря на положительное решение вопроса царем. Вспомнили о том, что чехи – католики, а недавние польские события показали, что, «несмотря на одноплеменность рас, католичество кладет непреодолимую преграду сближению»<sup>40</sup>.

Приамурье и Приморье по мере освоения их русскими становятся все более привлекательными для корейцев и китайцев, породив новый для российской имперской политики «желтый вопрос». На это указывало восстание так называемых манзовых китайцев в 1868 году, разбойные действия хунхузов, фактическая неподчиненность китайцев русской администрации и суду<sup>41</sup>. Это стало новым мотивом для ускорения заселения Дальнего Востока «русским элементом»<sup>42</sup>.

В Комитете Сибирской железной дороги пристально изучали опыт германизации польских провинций, европейской колонизации Северной Америки<sup>43</sup>. Прусский опыт насаждения германского элемента в польских провинциях стал своего рода «путеводной нитью» в переселенческой политике в Сибири<sup>44</sup>. Это прежде всего относилось к планам строительства школ и церквей вдоль железнодорожной магистрали. Председатель Комитета министров и вице-председатель Комитета Сибирской железной дороги Н.Х. Бунге в своем политическом завещании в 1895 году указывал на русскую колонизацию как на способ, по примеру США и Германии, стереть племенные различия: «Ослабление расовых особенностей окраин может быть достигнуто только привлечением в окраину коренного русского населения, но и это средство может быть надежным только в том случае, если это привлеченное коренное население не усвоит себе языка, обычаев окраин, вместо того чтобы туда принести свое»<sup>45</sup>. Поэтому нужно снять административные преграды движению крестьян за Урал, так как это может нанести ущерб «великой задаче ближайшего объединения наших Азиатских владений с Европейскою Россиею»<sup>46</sup>.

Железные дороги, это новейшее орудие империализма конца XIX и начала XX века, должны были облегчить выполнение исторически традиционной колонизационной миссии русского народа. Транссибирская магистраль должна была стальной полосой сковать «наши великие азиатские владения с их различными неисчерпаемыми ресурсами к центру Империи»<sup>47</sup>. Министр финансов С.Ю. Витте указывал на изменение геополитического пространства внутри самой империи, отмечая значение «великой колонизаторской способности русского народа, благодаря которой народ этот прошел всю Сибирь от Урала до Тихого океана, подчиняя все народности, но не возбуждая в них вражды, а собирая в одну общую семью народов России». Именно русский крестьянин-переселенец, по его мнению, изменит цивилизационные границы империи: «Для русских людей пограничный столб, отделяющий их, как европейскую расу, от народов Азии, давно уже перенесен за Байкал – в степи Монголии. Со временем место его будет на конечном пункте Китайской Восточной железной дороги»<sup>48</sup>. С колонизацией Сибири Витте

связывал не только экономические, но и политические задачи. Русское население Сибири и Дальнего Востока должно стать оплотом в «неминуемой борьбе с желтой расой». Именно это население даст силы и средства для защиты «интересов империи». Политический смысл крестьянской колонизации Витте разъяснял так: «Для того, чтобы в предстоящей в *будущем* (выделено Витте. – А.Р.) борьбе с желтой расой выйти победителями, нам надо создать на границах наших с Китаем оплот из русского населения, которое само в состоянии было бы выставить достаточную силу для защиты, как своего достояния, так и интересов Империи. В противном случае вновь придется посылать войска из Европейской России, опять на оскудевший центр ляжет необходимость принять на себя всю тяжесть борьбы за окраины, вынести на своих плечах разрешение назревающих на Дальнем Востоке вопросов, а крестьянину черноземной полосы или западных губерний придется идти сражаться за чуждые, непонятные ему интересы отстоящих от него на тысячи верст областей»<sup>49</sup>. Континентальная концепция Витте основывалась на уверенности в способности крестьян-переселенцев создать на востоке империи прочный экономический и демографический тыл для российских морских торговых и военных портов.

После Русско-японской войны 1904–1905 годов на первое место в охранительных и военно-мобилизационных задачах вышла задача крестьянской колонизации, призванная сделать, по выражению будущего приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти, «Дальний Восток русским и только для русских»<sup>50</sup>. Член Государственного совета от правого центра А.Б. Нейдгард заявлял: «Русский пахарь и русская соха – вот единственный способ, которым можно избежать окитаивания нашей окраины»<sup>51</sup>. Необходимо было не просто заселить край, но создать из русских переселенцев «крепкую колонию, способную вынести экономическую борьбу с сильными соседями и удержать за собой культурное первенство». И это должно стать заботой всего русского общества, «народной исторической задачей... культурного завоевания края». И эта задача на Дальнем Востоке виделась гораздо более сложной, нежели в Западной Сибири, подчеркивал будущий глава Временного правительства Г.Е. Львов, ибо там наш крестьянин уже «как дома, в своих стенах, а здесь, среди чужих, каждый шаг должен быть обдуман и взвешен»<sup>52</sup>.

П.А. Столыпин в рамках концепции «единой и неделимой России» призывал крепче стянуть рельсами «державное могущество великой России»<sup>53</sup>, а главноуправляющий ГУЗиЗ А.В. Кривошеин целенаправленно стремился превратить Сибирь «из придатка исторической России в органическую часть становящейся евразийской географически, но русской по культуре Великой России»<sup>54</sup>. В интервью французской газете «Figaro» (4 февраля 1911 года) он разъяснял: «Хотя крестьянин, переселяясь, ищет своей личной выгоды, он, несомненно, в то же время работает в пользу общих интересов империи»<sup>55</sup>.

В связи с поездкой П.А. Столыпина в Сибирь в 1910 году бывший чиновник Комитета Сибирской железной дороги И.И. Тхоржевский заметил: «По обе стороны Урала тянулась, конечно, одна и та же Россия, только в разные периоды ее заселения, как бы в разные геологические эпохи»<sup>56</sup>. И Столыпин «чувствовал целостность – военную и живую – всего того огромного и пестрого материка, которым была Россия. Тот же Алтай, как и Уссурийский край, связывался живыми человеческими узлами с далекой (и вовсе не самостоятельной – ни тогда, ни теперь) Украиной. Но надо было крепче стянуть – и рельсами! – державное могущество великой России. А для этого одной только Сибирской железной дороги было тогда уже недостаточно. Ведь к ее рельсам только и жалось, довольно узкой полоской, все наше переселение! Помню, как переселенческое управление, после передачи из министерства внутренних дел в министерство земледелия, полушутя, полусерьезно, умоляло передать его в министерство путей сообщения:

„Там – наше место“. Так тема земли, – писал Тхоржевский, – связывалась со второй сибирской темой – железной дороги»<sup>57</sup>.

Действительно, П.А. Столыпин стремился включить в национальную политику охрану земель на востоке империи от захвата иностранцами, подчинить русской власти сопредельные с Китаем малонаселенные местности, «на тучном черноземе которых возможно было бы вырастить новые поколения здорового русского народа». Это значение Сибири и Средней Азии как колыбели, где можно будет вырастить новую сильную Россию и с ее помощью поддержать хиреющий русский корень, ясно сознавалось Столыпиным, утверждал один из его близких сотрудников С.Е. Крыжановский, и, останься он у власти, «внимание правительства было бы приковано к этой первостепенной задаче»<sup>58</sup>.

Оторванное от привычной социокультурной среды, оказавшись в неведомом краю, в иных природно-климатических условиях, вынужденное существенно скорректировать свои хозяйственные занятия, непосредственно соприкоснувшись с культурой Востока (непривычной и привлекательной), славянское население обостренно ощутило свою русскость, очищенную от местных особенностей, столь стойко сохраняемую на их бывшей родине. Параллельно с имперским административным строительством шел процесс символического присвоения новых территорий. Оказавшись вдали от родины, русские переселенцы, как и в европейских заокеанских колониях, спешили закрепить за собой новое пространство, обозначая его привычными именами православных святых, русских героев, а то и просто перенося старые названия на новые места (Новокиевки, Полтавки, Черниговки, Московки и т. п.).

В Сибири и на Дальнем Востоке шел активный процесс консолидации славянского (и не только славянского) населения в «большую русскую нацию»<sup>59</sup>. Украинцы и белорусы сохраняли довольно долго свой язык и черты бытовой культуры в условиях Сибири и Дальнего Востока. Оказавшись рассеянными (хотя и проживая часто отдельными поселениями) между выходцами из великорусских губерний, сибирскими старожилами и сибирскими и дальневосточными народами, поселясь в значительной степени в городах, работая на золотых приисках и стройках, они были более восприимчивы к культурным заимствованиям и проявляли более высокий уровень этнической и конфессиональной толерантности, но вместе с тем демонстрировали большую, чем на исторической родине, приверженность идее общерусской идентичности. В отличие от Европейской России, где шел процесс формирования украинской и белорусской наций, вызывавший у петербургских властей политические опасения, в Азиатской России процессы стихийного культурного единения преобладали, что вполне устраивало имперскую администрацию. Как следствие, в правительственных взглядах на славянское население Сибири и Дальнего Востока преобладало индифферентное отношение к культурным различиям между великороссами, украинцами и белорусами: поглощение последних русской нацией представлялось делом времени. До начала XX века в Сибири три славянских народа в официальных документах нередко обозначали одним термином – русские. Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер писал, что переселенцы для дальневосточных областей выбирались в основном из Малороссии и «ими предполагалось создать на месте стойкий кадр русских землепашцев как оплот против распространения желтой расы»<sup>60</sup>.

Вопросом о том, кто такие русские крестьяне Приамурья и к каким народностям они принадлежат, задались довольно поздно. Сотрудники Общеземской организации, обследовав в 1909 году состав дальневосточного населения, установили, что в Амурской области основное ядро крестьянства составляют малороссы (40,6 %). Другие наиболее значительные группы составляли: тамбовцы (10,3 %), могилевцы (10,1 %), забайкальские староверы – «семейские» (5,0 %), сибиряки (4,1 %), поволжане (3,0 %). В Приморской области малороссов было еще больше – не менее 75 %. «Коренного великорусского населения (а также раскольников Тамбовской губернии и Поволжья, староверов Забайкалья и Сибири) очень мало.

И без большой ошибки можно сказать, – заключали исследователи, – что Приморская область представляет вторую Украину со значительной примесью белорусов»<sup>61</sup>. Примечательно, что при группировке населения не существовало единых критериев и этнические признаки смешивались с конфессиональными и региональными.

На сложность изучения этнической принадлежности славянского населения Дальнего Востока XIX века указывает и исследователь фольклора Л.Е. Фетисов: «Региональное пространство бытовой культуры на юге Дальнего Востока вначале представляло „мозаичное панно“ из локальных традиций переселенцев. Со временем происходила утрата прежнего этнического самосознания, замена его представлением о единой национальной принадлежности, т. е. шел процесс вторичной консолидации восточных славян, но на бытовом уровне продолжал сохраняться культурный полиморфизм»<sup>62</sup>.

Некоторые опасения украинизации российского Дальнего Востока, видимо, существовали. А.П. Георгиевский писал в этой связи: «Если поставить вопрос, какая из трех традиций – украинской, великорусской и белорусской, является наиболее сильной и устойчивой в Приморье, то на этот вопрос трудно определенно ответить»<sup>63</sup>. Он также подчеркивал, что великорусское культурное влияние здесь менее заметно, нежели украинское. Но, как отмечает современный исследователь Ю.В. Аргудяева, в Приморье и Приамурье исторически предопределенно шел процесс слияния русских (кроме старообрядцев), украинцев и белорусов и формирования некоего субстрата культуры, с преобладанием русскоязычного населения.

К концу существования империи русские и украинцы составляли в Сибири и на Дальнем Востоке более 87 % населения. Однако их распределение по всей территории было неравномерным. В Приморье с 1858 по 1914 год прибыли 22122 крестьянские семьи, из них 70 % были выходцы из Украины. В Южно-Уссурийском крае этот показатель достигал 81,3 % от всех крестьян-переселенцев, тогда как русские составляли 8,3 %, а белорусы – 6,8 %. Современная же ситуация прямо противоположная: русские составляют 86,8 % от числа жителей Приморья, украинцы – 8,2 %, белорусы – 0,9 %. При этом подчеркивалось, что русские сформировались здесь в значительной степени из обрусевших украинцев и белорусов<sup>64</sup>. Население украинских анклавов в Сибири и на Дальнем Востоке России быстро переходило на русский язык, а к 1930-м годам в большинстве случаев сменило и свое этническое самосознание<sup>65</sup>.

Кроме того, само славянское население Сибири и Дальнего Востока было сложным не только по этническому (русские, украинцы, белорусы) и конфессиональному (православные, старообрядцы, сектанты) признакам, но и по региональным характеристикам мест выселения. Объезжавший в 1896 году переселенческие поселки Западной Сибири А.Н. Куломзин писал бывшему воспитателю Николая II генералу Г.Г. Даниловичу, что перед ним прошла своеобразная этнографическая выставка «представителей славянского племени и других племен, обитающих в России»<sup>66</sup>. К началу XX века в Сибири сложилось пестрое по своему происхождению русское население: старожилы («сибиряки») и новоселы («русское», «русь»). Чаще всего переселенцев называли по губерниям их прежнего места жительства: «курщина», «Тамбовщина», «рязанщина» и т. п.<sup>67</sup> Однако переезжавшие за Урал крестьяне формировали не только новые этнокультурные группы, определенные местами их прежнего проживания, этнической принадлежностью, конфессиональными различиями, но и создавали новую общность на основе общерусской культуры и идентичности<sup>68</sup>.

Местные власти на окраинах нередко оказывались в ситуации, когда общегосударственная установка на распространение православной веры как важного имперского фактора входила в противоречие с колонизационными задачами и стремлением «сделать край русским». С православным миссионерством успешно конкурировала установка расширительного толкования русскости. Власти не могли не учитывать высокой степени устойчивости русских кре-

стьян – старообрядцев и духоборов – к ассимиляции в иноэтнической среде, сохранения ими русскости при отдаленности от русских культурных центров<sup>69</sup>. Несмотря на то, что старообрядцы в результате многоэтапной миграции на Дальний Восток испытали этнокультурное влияние со стороны украинцев, поляков, белорусов, бурят, коми (зырян и пермяков), обских угров (ханты и манси) и других народов, они лучше всего сохранили традиционную культуру русских. Это обстоятельство не могло быть не замечено местными властями, которые, проявляя большую, нежели в центре страны, религиозную терпимость, активно использовали старообрядцев в колонизационном закреплении восточных территорий за империей<sup>70</sup>. Генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер писал в 1912 году: «Староверы зарекомендовали себя здесь хорошими сельскими хозяевами и являются особо желательным элементом при заселении отдаленных и глухих местностей, прокладывая тем пути для следующих за ними других переселенцев»<sup>71</sup>. Таковую терпимость к приверженцам гонимой в Центральной России старой веры на дальневосточных землях проявляли не только представители местной администрации, но и некоторые иерархи Русской православной церкви. Важное значение придавал раскольникам как наиболее дееспособному колонизационному элементу архиепископ Иннокентий<sup>72</sup>.

Не без основания считается, что именно старообрядцы сыграли ведущую роль в формировании особого типа русского крестьянина на Амуре: «...дерзнувшие на самостоятельность мысли в религиозных вопросах, закаленные тяжелой школой борьбы за „оказательство“ своих убеждений – староверы и главным образом сектанты-рационалисты (духоборы, баптисты, молокане) – явились полными силы „бойцами“ против тяжелых природных условий новой страны и в значительной степени победили их. Они (выделено в тексте. – А.Р.) дали тон Амурской крестьянской жизни»<sup>73</sup>. И хотя правительство в своих заботах о подготовке базы для обороны и будущего имперского расширения и сектанты в своем стремлении найти свободу вероисповедания или лучшие условия для жизни шли разными путями и сторонились друг друга, но в их устремленности на восток было много общего. Принцип русскости на далекой окраине стоял выше стремления добиться церковного единства, отражая важные тенденции в формировании общерусской национальной идентичности<sup>74</sup>. В иерархии идентичностей конфессиональность здесь явно уступала национальному фактору.

Однако в Сибири и на Дальнем Востоке вставала новая угроза для империи – формирование у местного населения чувства территориальной обособленности, осознания своей непохожести и социально-экономической ущемленности в отношениях между центром и окраинами, выстраивания иной, конкурирующей с «большой русской нацией», сибирской региональной идентичности<sup>75</sup>.

Поэтому мало было заселить край желательными для русской государственности колонистами, важно было укрепить имперское единство культурными скрепами. Выталкиваемый из Европейской России за Урал земельной теснотой и нищетой переселенец уносил с собой сложное чувство грусти по покинутым местам и откровенной неприязни к царившим на утраченной родине порядкам. В специальной записке о состоянии церковного дела в Сибири, подготовленной в конце XIX века канцелярией Комитета министров, указывалось на необходимость объединения духовной жизни сибирской окраины и центральных губерний «путем укрепления в этом крае православия, русской народности и гражданственности». Постановка этой важной задачи, по мнению правительства, вызывалась сибирскими особенностями: определенным религиозным индифферентизмом сибиряков-старожилов, разнородным этноконфессиональным составом населения. Обер-прокурор Синода С.М. Лукьянов призывал создать на Дальнем Востоке тот внутренний уклад жизни, «который действительно придает переселенцу облик русского человека». Роль православной церкви для русского человека будет тем более велика, доказывал глава ведомства православного вероисповедания, что он здесь попадает в непривычные условия жизни, тоскует по покинутой родине и может попасть под влияние разного рода

сектантов<sup>76</sup>. Существовало осознанное беспокойство по поводу культурного воздействия на российское население в Азии со стороны китайцев, корейцев, японцев, монголов и даже якутов и бурят, которые воспринимались как конкуренты российского имперского колониционного проекта. Опасались, что, попав под влияние иностранцев и инородцев, переселяющиеся в край русские люди утратят привычные национальные черты, отдалятся от своей родины и потеряют чувство верноподданности. Современники сознавали культурно-цивилизационную слабость русского крестьянина как культуртрегера<sup>77</sup>. Задумывавшийся о задачах политики русификации в отношении инородцев А.И. Термен, послуживший в Туркестане, Забайкалье и Маньчжурии, понимал, что нужно принимать действенные меры для того, чтобы не только «выработать из вверенного ему материала надежно слитую с коренным элементом империи культурную единицу»<sup>78</sup>, но и поднять нравственность самого русского народа на окраинах, повысить авторитет православной церкви и русской школы.

Чтобы остановить процесс отчуждения переселенцев от «старой» России и восстановить в «новой» России знакомые и понятные властям черты русского человека, необходимо было заняться целенаправленной культуртрегерской политикой. Сибиряк, утверждал А.Н. Куломзин, забыл свою историю, забыл родину и, живя несколько веков замкнутою зауральскою жизнью, перестал считать себя российским человеком. Куломзин писал в мемуарах, что перед его внутренним взором «каким-то кошмаром» стояла мысль о том, что «в более или менее отдаленном будущем вся страна по ту сторону Енисея неизбежно образует особое отдельное от России государство»<sup>79</sup>. Это приводило зачастую к необоснованным поискам сибирского сепаратизма. Иркутский генерал-губернатор А.Д. Горемыкин выискивал и вычеркивал в газетных статьях слова «Сибирь и Россия», заменяя их словами «Сибирь и Европейская Россия», вместо «сибиряки» требовал писать «уроженцы Сибири»<sup>80</sup>. М.Н. Катков и К.П. Победоносцев неоднократно напоминали Александру III об опасности областнических настроений в Сибири и происках поляков<sup>81</sup>.

Впрочем, другой наблюдатель, Фритьоф Нансен, рассуждая о возможности сибирского сепаратизма, оценивал его скептически. Напротив, утверждал он, сибиряки – это не ирландцы, добывающиеся гомруля, они никогда не забудут того, что они русские, и будут всегда противопоставлять себя азиатским народностям. Отвергал Нансен и опасение, что азиатские владения Российской империи вытягивают лучшие силы из центра страны, понижая тем самым ее экономический и культурный уровни. В отличие от испанских, португальских и британских колоний, Сибирь представляет, по его мнению, «в сущности естественное продолжение России, и ее надо рассматривать не как колонию, а как часть той же родины, которая может дать в своих необозримых степях приют многим миллионам славян»<sup>82</sup>.

Осознание экономического и культурного своеобразия Сибири, раздражение сибиряков, вызванное несправедливым отношением к ним столичных властей, создавало в сибирском обществе атмосферу отчуждения от Европейской России и общего недовольства, на которой и мог произрасти сибирский сепаратизм. Несмотря на многочисленные факты и свидетельства сепаратистских настроений, правительственных страхов и настойчивых поисков борцов за сибирскую независимость (или автономию), это неприятие существовавшего приниженного положения так и не переросло в реальную опасность утраты Россией Сибири.

Массовое переселенческое движение начала XX века, породившее напряженность в отношениях сибирских старожилов и новоселов, в известной степени сняло остроту опасности формирования сибирской идентичности и регионального патриотизма. В Сибири и на Дальнем Востоке все еще недоставало интеллектуалов, способных пропагандировать в массах идеи сибирской автономии, было мало высших и средних учебных заведений, местных культурных центров, а также региональных демократических институтов (не было даже земских органов), вокруг которых мог бы сфокусироваться сибирский патриотизм, перерастая во влиятельную

политическую силу, способную, как это случилось в Австралии или Канаде, возглавить движение за независимое государство-нацию. Переселенческие общества внутренней Сибири и Дальнего Востока России в XIX – начале XX века имели низкие показатели этнической конфликтности, с тенденцией ее возрастания на фронтирной периферии: на юге Западной Сибири («киргизский вопрос») и юге Дальнего Востока («желтый вопрос»)<sup>83</sup>. Хотя Российская империя, а затем и СССР рухнули, однако, как отмечает Д. Дивен, новой России удалось вобрать в себя и поглотить в своем «материнском лоне» жемчужину своей имперской короны – Сибирь, и благодаря этому остаться великой державой (чего не удалось ни Турции, ни Австрии, ни даже Англии и Франции)<sup>84</sup>. В основном это произошло благодаря русским крестьянам-переселенцам, которые не только скрепили огромное имперское пространство, но и обеспечили перспективу национального строительства России.

#### Примечания:

- 1 *Столыпин П.А.* Нам нужна Великая Россия... Поли. собр. речей в Государственной думе и Государственном совете, 1906–1911 гг. М., 1991. С. 127.
- 2 *Милуков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. М., 1993. Т. I. С. 488.
- 3 Страна без границ. Тюмень, 1998. Кн. II. С. 6.
- 4 *Ливен Д.* Русская, имперская и советская идентичность // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999. С. 299.
- 5 *Барретт Т.М.* Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара, 2000. С. 168.
- 6 *Ерофеева И.* Славянское население Восточного Казахстана в XVIII–XX вв.: миграционное движение, стадии социокультурной эволюции, проблемы реэмиграции // Этнический национализм и государственное строительство. М., 2001. С. 333.
- 7 *Уманец Ф.М.* Колонизация свободных земель России. СПб., 1884. С. 33.
- 8 *Яковенко И.Г.* Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск, 1999. С. 103. Постановку вопроса о связи строительства империи с русской крестьянской колонизацией см.: *Лурье С.В.* Историческая этнология. М., 1997. С. 161–169.
- 9 *Шиловский М.В.* К вопросу о колониальном положении Сибири в составе Русского государства // Европейские исследования в Сибири. Томск, 2001. С. 14.
- 10 *Миролюбов [Ювачев] И.Л.* Восемь лет на Сахалине. СПб., 1901. С. 214.
- 11 *Кропоткин П.А.* Записки революционера. М., 1990. С. 189.
- 12 *Куропаткин А.Н.* Итоги войны: Отчет генерал-адъютанта Куропаткина. Варшава, 1906. Т. 4. С. 44.
- 13 Цит. по: *Головачев П.* Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1904. С. 57.
- 14 *Бродель Ф.* Что такое Франция? Пространство и история. М., 1994. Кн. I. С. 272.
- 15 *Горизонтов Л.Е.* «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 130.
- 16 *Рибер А.* Устойчивые факторы российской внешней политики: попытка интерпретации // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001. С. 119.
- 17 *Кэмпбелл Е.* «Единая и неделимая Россия» и «инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001. С. 206–207.
- 18 *Шенк Ф.Б.* Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // Политическая наука. 2001. № 4. С. 14–15. См. также: *Ремнев А.В.* Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX – начало XX в.). В печати.

- 19 Записки Ф.Ф. Вигеля. М., 1892. Ч. II. С. 196–197.
- 20 *Надеждин Н.И.* Опыт исторической географии Русского мира // Библиотека для чтения. 1837. Т. 22. Ч. II. С. 39.
- 21 См.: *Мирзоев В.Г.* Историография Сибири. М., 1970. С. 139.
- 22 *Васильев В.П.* Восток и Запад // Восточное обозрение. 1882. 1 апреля.
- 23 *Семенов П.П.* Значение России в колонизационном движении европейских народов // Известия РГО. 1892. Т. XXVIII. Вып. IV. С. 354.
- 24 *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 539.
- 25 Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. I. С. 199.
- 26 *П.К.* Значение Амурской железной дороги // Окраины России. 1908. № 17 (26 апреля). С. 250.
- 27 *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 1991. С. 486.
- 28 *Вернадский Г.В.* Против солнца. Распространение русского государства к востоку // Русская мысль. 1914. № I. С. 57–58.
- 29 *Менделеев Д.И.* К познанию России. М., 2002. С. 181–182.
- 30 *Куропаткин А.Н.* Русско-китайский вопрос. СПб., 1913. С. 55–75.
- 31 *Завалишин Д.И.* Письма о Сибири // Московские ведомости. 1864. 24 октября.
- 32 *Радде Г.И.* Автобиография // Граф Н.Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998. С. 171.
- 33 Н.Р. Ребиндер – вел. кн. Константину Николаевичу (1855) // Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1016. Л. 11–12; Ф. 224. Оп. г. Д. 236. Л. 161–162. См. также: *Bassin M.* Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century // The American Historical Review. 1991. Vol. 96. № 3.
- 34 *Кропоткин П.А.* Указ. соч. С. 173.
- 35 *Барсуков И.П.* Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. По его сочинениям, письмам и рассказам современников. М., 1883. С. 383.
- 36 Там же. С. 382. О православной миссионерской деятельности на Амуре см.: *Исаченко Б.А.* Православное миссионерство на Амуре во второй половине XIX в. // Вестник Амурского государственного университета. 2001. Вып. 12. С. 21–23.
- 37 Очерки истории белорусов в Сибири в XIX–XX вв. Новосибирск, 2001. С. 60.
- 38 Отчет по Восточной Сибири за 1860 г. // РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 202. Л. 3.
- 39 *Гильфердит А.Ф.* Мнение западных славян об Амуре и его колонизации // Амур. 1860. 28 июня. С. 373–374. В начале XX в. интерес к переселению проявляли черногорцы, см.: *Хлебникова В.Б.* Черногорцы на русском Дальнем Востоке и в Китае // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII–XX вв. (К 350-летию начала похода В.Д. Пояркова на Амур). Владивосток, 1993. С. 80–82.
- 40 Приморский военный губернатор П.В. Казакевич – генерал-губернатору Восточной Сибири М.С. Корсакову (24 июня 1864 г.) // Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 87. Оп. I. Д. 287. Л. 25–31.
- 41 Всеподданнейшая записка генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова (19 декабря 1868 г.) // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. г. Д. 162. Л. 11.
- 42 Записка старшего советника Приморского областного правления Аносова «О заселении средствами правительства Южно-Уссурийского округа Приморской области Восточной Сибири» // Там же. Л. 114.
- 43 *Куломзин А.Н.* Пережитое // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1642. Оп. г. Д. 190. Л. 53; Д. 191. Л. 1–2.

- 44 Там же. Д. 191. Л. 3.
- 45 Бунге М.Х. Загробные заметки // Река времен (Книга истории и культуры). М., 1995. КН. I. С. 211.
- 46 Россия. Комитет Сибирской железной дороги (Материалы). [1895]. Т. г. Л. 290.
- 47 Московские ведомости. 1891.5 апреля.
- 48 РГИА. Ф. 1622. Оп. г. Д. 711. Л. 41.
- 49 Всеподданнейший доклад министра финансов С.Ю. Витте // РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 267. Л. 8–9.
- 50 Тобольский губернатор Н.Л. Гондатти – управляющему делами Совета министров Н.В. Плеве (г марта 1908 г.) // Библиотека РГИА. Печ. зап. № 2487. С. г.
- 51 Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия III. СПб., 1908. Заседание 30 мая 1908 г. С. 1440.
- 52 Львов Г.Е. С Дальнего Востока: Переселение и колонизация // Русские ведомости. 1908.18 сентября.
- 53 Тхоржевский М.И. Последний Петербург //Нева. 1991. № 9. С. 190.
- 54 Кривошеин К.А. Александр Васильевич Кривошеин: Судьба российского реформатора. М., 1993. С. 131.
- 55 Дальневосточное обозрение. 1911. Вып. I. С. 82.
- 56 Тхоржевский М.И. Указ. соч. С. 189.
- 57 Там же. С. 190.
- 58 Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 113.
- 59 О проекте «большой русской нации» см.: Миллер А.М. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 31–41.
- 60 Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С. 4.
- 61 Приамурье: Факты, цифры, наблюдения. Собраны на Дальнем Востоке сотрудниками Общеземской организации. М., 1909. С. 717–718.
- 62 Фетисова Л.Е. Адаптационная роль фольклора в системе бытовой культуры перво-поселенцев Приамурья и Приморья //Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000. С. 27.
- 63 Георгиевский АМ. Русские на Дальнем Востоке: Фольклорно-диалектологический очерк. Владивосток, 1929. С. 9. Всплеск национально-культурных запросов дальневосточных украинцев наблюдался уже после революции 1917 г.
- 64 Аргудяева Ю.В. Проблемы этнической истории восточных славян Приморья и Приамурья // Славяне на Дальнем Востоке: проблемы истории и культуры. Южно-Сахалинск, 1994. С. 19–21. Не случайно по данным социологических опросов, проведенных в 1997–1998 гг., русские Дальнего Востока лидируют среди других регионов России по числу людей, не знающих этнического происхождения своих предков (Кожневникова Н.И., Рыбаковский Л.Л., Сигарева Е.П. Русские: этническая гомогенность. М., 1998. С. 11).
- 65 Кабузан В.М. Русские в мире: Динамика численности и расселения (1719–1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996. С. 210.
- 66 Куломзин А.Н. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. I. Д. 202. Л. 34.
- 67 Шелегина О.Н. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. М., 2002. Вып. 2. С. 20–21.
- 68 Русские в Омском Прииртышье (XVIII–XX века). Омск, 2002. С. 4.
- 69 Дударенок С.М., Сердюк М.Б. Взаимоотношения религиозных конфессий и структур государственной власти на юге Дальнего Востока (1858–1917) // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII–XX вв. (К 350-летию начала похода В.Д. Пояркова на Амур). Владивосток, 1993. С. 122–124.

70 На рубеже XIX–XX вв. существовал проект заселения старообрядцами и русскими сектантами соседней с Амурской областью территории Маньчжурии. После принятия законов о веротерпимости в 1905–1906 гг. на Дальний Восток переселилось около трех тысяч австрийских и румынских старообрядцев. См.: *Аргудяева Ю.В.* Старообрядцы на Дальнем Востоке России: этнокультурное развитие во второй половине XIX – начале XX в. Диссертация в виде научного доклада на соискание степени д-ра ист. наук. М., 2002. С. 20–21.

71 *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край, 1906–1910 гг. СПб., 1912. С. 18.

72 *Барсуков И.Л.* Указ. соч. С. 394–395. Очевидно, это не было исключением в российской имперской политике. Схожий факт, имевший место на западной окраине империи, приводит Л.Е. Горизонтов: *Горизонтов Л.Е.* Раскольничий клин: Польский вопрос и старообрядцы в имперской стратегии // *Славянский альманах*. 1997. М., 1998. С. 148.

73 Приамурье. Факты, цифры, наблюдения... С. 720.

74 В 1896 г. раскольники составляли в Амурской области 10% населения, существенно меньше их было в Приморской области – 1%. См.: *Капранова Е.А.* Государственная переселенческая политика и ее религиозная направленность на Дальнем Востоке // *Россия и Китай на дальневосточных рубежах*. Благовещенск, 2002. Ч. 3. С. 559.

75 См.: *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония. СПб., 1892; *Сватиков С.Г.* Россия и Сибирь (К истории сибирского областничества в XIX в.). Прага, 1930; *Вуд А.* Сибирский регионализм: прошлое, настоящее, будущее? // *Расы и народы*. М., 1998. Вып. 24. С. 203–217; *Watrous S.* The Regionalist Conception of Siberia, 1860 to 1920 // *Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture*. New York, 1993. P. 113–131; *Сверкунова Н.В.* Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб., 2002.

76 С.М. Лукьянов – П.А. Столыпину (16 января 1910 г.) // *Архив внешней политики Российской империи*. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 762. Л. 177-6.

77 *Sunderland W.* The «Colonization Question»: Vision of Colonization in Late Imperial Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2000. Vol. 48. № 2. P. 231. См. также: *Idem.* Russians into Yakuts? «Going Native» and Problems of Russian National Identity in the Siberian North, 1870-s – 1914 // *Slavic Review*. 1996. № 4. P. 806–825.

78 *Термен А.И.* Воспоминания администратора: Опыт исследования принципов управления инородцев. Пг., 1914. С. 2.

79 *Куломзын А.Н.* Пережитое // *РГИА*. Ф. 1642. Оп. I. Д. 204. Л. 107. Об опасениях сибирского сепаратизма см.: *Ремнев А.В.* Призрак сепаратизма // *Родина* (Москва). 2000. № 5. С. 10–17.

80 *Попов И.И.* Забытые иркутские страницы: Записки редактора. Иркутск, 1989. С. 59; *Сватиков С.Г.* Россия и Сибирь. Прага, 1930. С. 78.

81 *Дневник государственного секретаря А.А. Половцова*. М., 1966. Т. I. С. 380, 534.

82 *Нансен Ф.* Страна будущего // *Дальний Восток*. 1994. № 4/5. С. 185.

83 *Куприянов А.* Великороссия и Сибирь – материк этнического спокойствия в море имперской конфликтности (1881–1904 гг.) // *Новый мир истории России*. Форум японских и российских исследователей. М., 2001. С. 122–135; *Дятлов В.И.* Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? М., 2000 (глава 2, «Китайская диаспора и дискуссии о „желтой опасности“ в дореволюционной России»).

84 *Ливен Д.* Россия как империя: сравнительная перспектива // *Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России*. М., 1999. С. 273.

## Елена Безвиконная

# Геополитическое пространство Степного края: Омская область и проблема границы в государственном строительстве Российской империи (20-30-е годы XIX века)

В первой половине XIX века подошел к своему логическому завершению один из этапов процесса строительства Российского имперского пространства. Имперскую политику этого донационального периода можно охарактеризовать как совокупность военно-административных, социально-экономических и идеологических мероприятий, направленных на регулирование отношений между центром и окраинными территориями. Поиски наиболее эффективных методов управления регионами продолжались на всем протяжении XVIII века и эволюционировали от установки на централизацию и унификацию власти до использования децентрализаторских элементов. Интегрируя вновь присоединенные внешние окраины (Закавказье, Сибирь, Степной край и др.) в имперскую модель административного управления, самодержавие избегало унификаторского подхода по отношению к ним, стремясь учитывать региональные особенности. Вместе с тем в имперской политике присутствовала тенденция к постепенной модернизации принципов управления, судебной системы, социально-экономических отношений на окраинах по образцу центральных провинций. Фактически применительно к XIX веку речь идет об оформлении нового направления имперского администрирования – региональной политики, требующей дифференцированных подходов к каждой административно-территориальной единице.

Неотъемлемой составляющей завершающего этапа интеграции окраин в империю являлось утверждение четких государственных границ как гаранта имперской безопасности и территориального единства. Совершенно очевидно, что попытка российского самодержавия установить границы в Степном крае во многом была результатом переноса европейского дискурса геополитики на азиатскую почву (о чем ярко свидетельствует язык публикуемых ниже документов, в частности, попытка рационализации пространства Степного края с помощью маркировки природных рубежей и соотнесения административной единицы с характером населения). Но специфика географических условий азиатской России, образ жизни населения региона, сложность геополитической ситуации (столкновение различных империй) обусловили потребность в дифференцированном подходе к понятию «граница».

Предложенная А. Рибером классификация «границ» достаточно удачно вписывается в реалии Степного края начала XIX века<sup>1</sup>. В данном случае можно говорить о трех взаимосвязанных типах границ. Прежде всего – граница *политическая* (в терминологии офицера Генерального штаба, сотрудника Русского географического общества М.И. Венюкова – «действительная» государственная граница<sup>2</sup>), представляющая линию военных крепостей и форпостов. Последние рассматривались в качестве этапов продвижения в Центрально-Азиатский регион (см. ниже Представление генерал-губернатора Западной Сибири И.А. Вельяминова военному министру А.И. Чернышеву от 23 марта 1835 года). Определение границ Омской области демонстрирует важность соотношения политической границы с границей *культурно конструируемых* метарегионов – европейского и азиатского. Наконец, *социально-экономический* тип границы образуется в результате столкновения двух жизненных укладов – оседло-земледельческого и кочевого скотоводческого. Основанные на различных социально-правовых нормах (обычном праве и унифицированном законодательстве), эти жизненные уклады с начального момента своего взаимодействия порождают многочисленные противоречия и конфликты<sup>3</sup>. Используя терминологию современной геополитики, данную типологию воз-

можно объединить в сложносоставной феномен «азиатской границы»<sup>4</sup>, под которой понимается нестабильное, постоянно изменяющееся пространство, выступающее как база для последующего расширения имперской территории. Применительно к Сибири и Степному краю еще более адекватным кажется определение «евразийская» (а не «азиатская») граница. В книге такого представителя российского евразийского движения, как П. Савицкий, она определяется как укрепленная линия, то появляющаяся, то исчезающая<sup>5</sup>. Действительно, с начала XVIII века самодержавная власть, руководствуясь преимущественно необходимостью защиты южных территорий государства от набегов казахских кочевников, инициировала строительство «линий» военных укреплений (Сибирской, Иртышской, Колыванской и др.). Последние представляли собой крепости и форпосты, расположенные на достаточно большом расстоянии друг от друга<sup>6</sup>. Например, Сибирская линия протянулась на достаточно протяженном пространстве от Бухтарминской до Звериноголовской крепости. Практика возведения отдельных оборонительных укреплений, которые впоследствии превратились в административные центры Сибири и Степного края, позволила имперскому центру определить направления последующей экспансии. Н.Ю. Замятина охарактеризовала данную политику как стратегию «оцентрирования территории»<sup>7</sup>. Эта стратегия заключалась в создании отдельных административных опорных пунктов (городов, укреплений) с целью утверждения позиций империи в регионе. Основывая военные пункты, государство утверждало свое право на данное пространство, формировало соответствующую имперскую идеологию, умозрительные, а впоследствии и вполне реальные представления о его принадлежности и полной зависимости от имперского центра. Организация военно-административных единиц значительно опережала процессы торгово-промышленного проникновения в Степной край.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.